

Alex Shishkin - Чили: кому — история, кому — марксистские грабли

Содержание

Промышленность	стр.
Сельское хозяйство	стр.
Финансы	стр.
Политическая сфера	стр.
Политическая сфера-2	стр.
Список использованной литературы	стр.

Поводом для написания этого текста послужила бурная дискуссия на сайте “Эха Москвы”, в блоге А.Н. Илларионова, на сайте М.С. Солонина, и много ещё где на просторах Рунета, разгоревшаяся после статьи Ю.Л. Латыниной в “Еже” “Побежденных не судят”. Не в первый раз я сталкиваюсь с обсуждением этой темы в Рунете, и каждый раз изумляюсь. И потоку взаимных обвинений; и взаимным же навешиваниям ярлыков; и целой батарее фантастических “фактов про Чили”, имеющих хождение в русской блогосфере. Но в первую, и главную очередь — тому, насколько обе стороны дискуссии, за редчайшими исключениями, как из гоголевской шинели, вышли из тезиса историка-марксиста Покровского “История — это политика, опрокинутая в прошлое”. Результат — тексты оцениваются не по степени соответствия действительности, а по тому, “полезен” или “вреден” данный текст с точки зрения сиюминутных политических реалий оценивающего. Казалось бы — уж где-где, а в России пора бы уже выучить этот исторический урок. Но нет: желающих в который раз самозабвенно, с упоением, со всей мочи наступать на испытанные грабли товарища Покровского меньше, похоже, не становится.

Латынина пишет: в отчётах комиссий по расследованию

преступлений пиночетовского режима в одну кучу оказались свалены боевики-террористы, погибшие в перестрелках с полицией и правительственными войсками; мирные люди, убитые полицейскими или солдатами без всяких причин; и сами эти полицейские и солдаты, убитые в столкновениях с боевиками, или ставшие жертвами терактов. Казалось бы, что проще: Латынина или говорит правду — и тогда материалы обсуждаемых расследований действительно, мягко говоря, необъективны — или нет, и тогда Латынина оболгала две уважаемые комиссии. Но это - казалось бы... А на самом деле степень соответствия этого заявления действительности не заинтересовала, по-моему, ни одного из обрушившихся на Латынину с критикой. Оказывается, главное преступление Латыниной — в том что её текст и точка зрения “вредны” и “опасны”. Н-даа... Оруэлл с Покровским такое ведение спора несомненно оценили бы — каждый по-своему.

Лично мне споры о том, “вреден” или “полезен” для современной России тот или иной факт из чилийской истории 20 — 40-летней давности, неинтересны. Вявязываться в дискуссию “по правилам Покровского” я не буду, а попробую описать то, что, судя по известной на сегодня информации, действительно имело место в Чили. И начать придётся немножко до Альенде, потому что многое в популярных историях о деятельности как Альенде, так и Пиночета, построено на картине “доальендевской Чили”, имеющей очень мало общего с действительностью.

Для начала надо понимать, какими были экономика, сельское хозяйство, и политический климат Чили на момент прихода к власти Альенде. Традиционно рисуемая картина - экономика, в которой рулят транснациональные монополии, выкачивающие из страны сырьё за копейки, присваивая себе огромные сверхприбыли; промышленность, находящаяся под контролем местных или зарубежных монополистов; сельское хозяйство, сравнимое с помещичьим сельским хозяйством России 19 века (разве что с несколько более совершенными сельхозтехникой и инвентарём, да с менее откровенным присвоением помещиками труда крестьян), и тоже доминируемое узким кругом латифундистов-

монополистов; Альенде побеждает на выборах правых, правивших в стране до него, и начинает преобразования в интересах “простого народа”; правые, на деньги ЦРУ, берут реванш и свергают прогрессивного президента.

Картина эта к чилийской действительности имеет весьма и весьма касательное отношение, что я и попробую показать. Дальнейший текст поделён на разделы, в которых обсуждаются: 1. Чилийская промышленность; 2. Чилийское сельское хозяйство; 3. Финансовая сторона вопроса (займы, денежная политика, и т.п.); и, наконец, 4. Развитие политической ситуации в Чили. Деление это весьма условно, потому что в реальной жизни всё вышеперечисленное взаимосвязано и переплетено. Соответственно, “чисто” разделить информацию по разделам не получилось и у меня. Каждый раздел излагает развитие ситуации более-менее в хронологическом порядке.

Итак:

Промышленность

В попытках “отвязать” экономику страны от экспорта ресурсов правительства Чили, начиная ещё с довоенных, проводили популярную в Южной Америке политику “замещения импорта местным производством”. Как и везде в Южной Америке, делалось это через государственное финансирование тех или иных производств, замещавших ту или иную статью импорта (1, стр.78-79). Практическим результатом этого стало то, что к 1960-м годам участие государства в экономике Чили было одним из самых высоких в Латинской Америке. В 1970 году, прямо перед приходом Альенде к власти, госсобственностью в Чили были: чёрная металлургия, нефтедобыча и нефтеперегонка, большинство железных дорог, национальная авиакомпания, и многое другое. Государству принадлежало около 40% производственных мощностей всех видов в стране. Ещё примерно 30% находилось в зависимости от госфинансирования, и только 30% чилийской промышленности можно было без натяжек назвать “частным сектором” (1, стр. 341). Государство контролировало также половину чилийских банков (1, стр. 149). Один только госбанк Чили имел активов примерно столько же, сколько все частные банки страны, вместе взятые (1, стр. 341). **Ещё до начала реформ Альенде Чили по уровню государственного участия в экономике уступала во всей Латинской Америке только кастровской Кубе** (1, стр. 341).

Особое значение в экономике Чили имела добыча меди. К началу президентства Альенде два основных медедобытчика в Чили — американские компании “Кеннекотт” и “Анаконда” давали 20% ВВП страны. При этом они являлись источником 40% всех налоговых поступлений казны и 80% всех доходов в иностранной валюте (1, стр. 16).

Национализация добычи меди началась при правительстве предшественника Альенде - христианского демократа Эдуардо Фрей Монталва. К моменту прихода к власти Альенде американские компании уже не являлись единоличными и даже мажоритарными собственниками рудников: мажоритарным собственником было чилийское государство. Эта национализация никаких

возражений со стороны США не встретила, потому что официальной позицией руководства США было (и есть) признание права суверенных государств национализировать собственность при условии выплаты адекватных компенсаций. Правительство христианских демократов получило свою 51% долю в медных рудниках, заплатив американским компаниям “вступительный взнос” из предоставленных под это американским правительством займов, и пообещав полную расплату в течение нескольких лет (1, стр. 163-164, 167; 8, стр. 78-79).

Особо надо остановиться на “сверхприбылях”, якобы вывозившихся из Чили американскими медедобывающими компаниями. 4 декабря 1972 года президент Альенде в своей речи перед членами Генеральной Ассамблеи ООН заявил, что за период 1955-1970гг ежегодные прибыли компании “Анаконда” составляли в среднем 21,5% её полной стоимости. Альенде “забыл” упомянуть, что это — прибыли до уплаты налогов в чилийскую казну. В этой же речи Альенде утверждал, что прибыли компании “Кеннекотт” за тот же период составляли 52,8%, достигая в 1967г. 106%, в 1968 — 113%, а в 1969 — 205%, в то время как в других странах средние прибыли “Кеннекотта” в тот же период не превышали 10% в год. Альенде, опять же, “забыл” уточнить, что названные им величины прибылей “Кеннекотта” в Чили были названы до учёта выплаты налогов в чилийскую казну. Налоги “Кеннекотта” и “Анаконды” в Чили составляли 85 центов с каждого доллара прибыли, и после учёта выплаты этих налогов “Кеннекотт” зарабатывал в Чили прибыль, на 45% меньшую, чем шахты “Кеннекотта” в США (1, стр.31-32, сноска 50).

В начале 1960-х американские медедобывающие корпорации в Чили платили 67-83 цента налогов с каждого доллара своей прибыли. Это был самый высокий налог на горнодобывающую промышленность в мире (1, стр.146). Но чилийское правительство решило, что это недостаточно - и к моменту избрания Альенде президентом американские медедобывающие фирмы платили уже 81-87 центов налога с каждого доллара прибыли (1, стр.146).

Однако даже этого чилийскому правительству показалось мало, и после национализации 51% медедобывающей промышленности к концу 1960-х правительство присвоило себе право

устанавливать “закупочную цену” меди. То есть, медедобытчик получал за свой товар по “закупочной цене”, медь продавалась по мировым ценам, а разницу клало себе в карман чилийское государство **ещё до всяких подсчётов прибыли**. Этот дополнительный пересмотр контрактов с американскими компаниями был произведён ПОСЛЕ того, как они вложили обещанные ими в контрактах о национализации деньги в дальнейшее расширение производства...(1, стр.167, стр.210, сноска 130, стр. 212, сноска 137)

Вот эти-то 13-19 центов с каждого оставшегося после уже произведённого госграбежа доллара прибыли, которые чилийское правительство позволяло добывающим компаниям оставить себе, Альенде и объявил “сверхприбылями” (1, стр. 31-32, примечания 49-50; 1, стр.163-168).

11 июля 1971 года правительство Альенде провело через парламент закон о полной национализации. Закон предусматривал компенсацию американским владельцам с учётом амортизации и “чрезмерной прибыли”, вывезенной компаниями из страны (1, стр. 324). Никогда раньше никакая “чрезмерная прибыль” никакими чилийскими законами не оговаривалась, и величину “чрезмерной прибыли” эксперты правительства Альенде, при участии специально для этого приглашённых им советских специалистов, (1, стр.319; 1, стр. 324; 1, стр. 356, сноска 87) рассчитали так, чтобы якобы вывезенная американцами “чрезмерная прибыль” превысила всю положенную им компенсацию - как обещанную предыдущим правительством, так и положенную за экспроприацию оставшихся 49% их собственности. После этого американским компаниям был выставлен счёт за отнятие у них их же собственности. Правда, от востребования “долга” американских компаний правительство Альенде милостиво “отказалось” (1, стр. 324). При этом никакие нарушения заключённых с чилийским правительством контрактов или чилийских законов американским компаниям никто вменить и не пытался. Таким образом, Альенде задним числом посчитал “чрезмерными” прибыли, установленные и жестко контролировавшиеся предыдущим правительством Чили. Виновниками были, разумеется, назначены иностранцы, и никаких обвинений работникам бывшего правительства предъявлено не было - то есть, законность их действий никто под сомнение не поставил

(1, стр.324-327).

Пожалуй, самым ярким доказательством того, что национализация не имела ни малейшего отношения к “сверхприбылям” американских компаний и “эксплуатации” ими Чили является национализация чилийского филиала компании “Серро” - Compañía Minera Andina. Третья по величине после “Кеннекотта” и “Анаконды”, эта компания вообще не заработала в Чили ни одного цента прибыли: её шахта, построенная в высокогорьях Анд по последнему слову горнодобывающей техники того времени, выдала первую продукцию за 5 месяцев до Альяндевской национализации. Правительство Альянде ограбило людей, вложивших огромные деньги в рискованный проект, просто потому, что у них было, что отнять (1, стр. 324-325).

Неудивительно, что после этого ограбленные фирмы обратились в суды европейских стран-импортёров чилийской меди, а эти суды не могли отказать им в принятии дел к производству (1, стр. 327-328).

После свержения правительства Альянде приглашённые Пиночетом “чикагские мальчики” упорно предлагали ему денационализировать медные рудники, но Пиночет категорически отказался это делать. В результате национализированные Альянде медные рудники так по сей день и находятся в собственности чилийского государства. Уже после ухода Пиночета демократически избранное правительство Чили разрешило, наконец, хотя бы разведку и добычу новых медных месторождений частными фирмами.

В нынешних российских дискуссиях “на чилийские темы” приходится регулярно сталкиваться с историей о том, как США манипулировали мировыми ценами на медь, выбрасывая на рынок медь из стратегических запасов по демпинговым ценам. Насколько я могу судить, у этой истории “ноги растут” из текстов тов. Тарасова. Та официальная информация, которую мне удалось найти, эту историю не подтверждает. Продажа меди из стратегических запасов США отмечена: в середине 1965-66 (550000 т, крупнейшая продажа в истории стратегического запаса меди в США) и в 1974, когда были распроданы практически все оставшиеся в стратегическом резерве запасы меди (2, стр.236). А вот в годы правления Альянде - никаких продаж не отмечено.

Допустим, однако, что продажи были, и что в 1974 году были проданы лишь последние крохи. Известно количество меди в стратегическом запасе США на 1969 год: 260483 “короткие тонны” (236306 “нормальных”, метрических тонн) (6, стр. 10). Напомним: за 1971-1974 гг в мире было добыто почти 29 миллионов тонн меди, примерно по 7,29 миллионов тонн каждый год (1, стр. 18, Таблица 4). Нам предлагается верить, что “вброс” на мировой рынок 3% от годовой добычи (или — за срок правления Альенде — 1% от добытого в мире за 1971-1973гг) мог “обрушить” цены на медь. А применяя логику тов. Тарасова к известным датам настоящих продаж можно было бы сказать, что правительство США пыталось удавить чилийскую экономику в годы предшественника Альенде, а потом - и в первый год правления Пиночета...

Ещё один момент, объяснение которого было бы интересно услышать - каким образом США могли позволить себе наехать на интересы десятка других стран-медедобытчиков, включая в первую очередь свои собственные (США в тот период являлись крупнейшим медедобывающим государством мира) ради давления на страну, доля которой в мировой добыче меди составляла в период 1971-1974 10,6% (1, стр.18, Таблица 4). Разумеется, в реальной жизни, в отличие от гуляющих по рунету коспирологических *нарративов*, запасы распродают на пике цен, чтобы получить от продаж максимальную выручку. Что и подтверждается документально известными датами распродаж в 1965-66 и 1974 годах.

Некоторые графики, на которые полезно взглянуть, обсуждая всё вышеизложенное:

- Доля экспорта меди в общем чилийском экспорте, 1965-2005 (8, стр. 6)
- Мировые цены на медь, 1935-2004 (8, стр. 13)
- Рост ВВП Чили, наложенный на мировые цены на медь, 1961-2005 (8, стр. 14)

Правительство Альенде вовсе не ограничилось одной только медной промышленностью. Оно начало национализировать льющие крупные и средние предприятия (независимо от того, были ли их владельцы иностранцами), произвольно объявив “монополиями” все фирмы с активами, превышающими 500 тысяч долларов (1, стр. 341-342).

В октябре 1971 года правительство Альенде представило на рассмотрение парламента законопроект о национализации всех предприятий с активами, превышающими 1 миллион долларов. В списке, составленном правительством, было 253 таких бизнеса, 150 из которых являлись производственными предприятиями. Это означало национализацию свыше 90% находившихся в частной собственности активов. Парламент законопроект провалил (1, стр. 340-342).

Тогда правительство Альенде разыскало в архивах закон, о котором стоит рассказать поподробнее. Принят он был в 1932 году правительством социалистов, пришедших к власти путём военного переворота и продержавшихся аж целых 103 дня. Один из 590 (!) законодательных актов этого правительства давал ему право конфисковать частное предприятие в случае : 1) острой нехватки товара, выпускавшегося предприятием, 2) умышленных попыток руководства предприятия “саботировать рыночные механизмы”, и 3) наличия на предприятии неразрешимого спора между хозяевами и рабочими (1, стр. 67, сноска 52). Закон, принятый незаконным правительством-однодневкой, разумеется, не применялся после его падения, но правительство Альенде такие мелочи не остановили.

Последовала волна национализаций самых разнообразных предприятий, от автозаводов до пивоварен, на основании этого закона, причём правительство Альенде в его применении зачастую не удосуживалось соблюсти даже внешние условности и “признать” наличие оговорённых трёх условий (1, стр. 67, сноска 52).

Ещё одним вариантом национализации было принуждение владельцев к “продаже” их бизнеса государству за установленную государством цену. Этот метод применялся к предприятиям, особенно зависимым от госрегулирования, например - банкам. Выделение денег на такой выкуп было прерогативой парламента, но правительство Альенде наплевало на такие мелочи. Однако денег так или иначе не хватало - и тогда правительство Альенде в директивном порядке обязало госбанк довыпустить необходимое количество денег. Денежная эмиссия тоже должна была по закону регулироваться с участием парламента - но Альенде было не до соблюдения законов...

Параллельно шли подталкиваемые ультрарадикальным крылом альендевской соцпартии “стихийные” захваты ещё не национализированных предприятий “трудящимися”. Когда владельцы обращались в суд, правительство Альенде блокировало исполнение решений судов в пользу владельцев собственности, прямо запрещая полиции действовать во исполнение судебных решений. На не устраивающие правительство статьи о нём в частных газетах правительство начало отвечать экспроприацией газет и типографий.

В результате этой благородной антимонополистической деятельности к концу правительства Альенде в 1973 году оно заграбастало около 450 предприятий, более 80% промышленного производства страны. Большинство из них были заграбастаны в нарушение даже установленных правительством Альенде “законов”. Среди национализированного были и все более-менее крупные банки, включая местные отделения иностранных банков - после чего кредиты из-за рубежа страным образом иссякли, а правительство Альенде обвинило в этом США.

Одновременно с массовой национализацией правительство Альенде активно занялось “повышением материального благосостояния трудящихся”. Сделано это было элементарно просто: директивой правительства в 1971 году зарплаты были повышены на 35-40%, банковские проценты по кредитам - понижены на 50%, а цены на потребительские товары — заморожены (1, стр. 305). Для частных банков это был облом, после которого их легко поглотила “национализация” (1, стр. 305), а внезапно разбогатевшее население отреагировало резким потребительским бумом.

Однако такого директивного “успеха” хватило лишь чуть больше, чем на год: как только прошла эйфория первых месяцев, как и следовало ожидать с самого начала, начались нехватки товаров, полки в магазинах опустели, а место нормальной торговли занял мгновенно возникший чёрный рынок, который на правительственные директивы о ценах клал с прибором. К концу 1972 года из 3 тысяч “базовых” товаров более 500 уже отсутствовали на полках магазинов (1, стр. 315).

Инфляция резко скакнула вверх. В годы правления предшественника Альенде Эдуардо Фрей инфляция составляла 17-35% в

год (1, стр. 147); Альянде успешно поднял её на новые, невиданные ранее в истории Чили высоты: 163% к концу 1972 года, 286% к моменту военного переворота в сентябре 1973. К концу 1973 года запущенный Альянде обвал перевалил за 500% (1, стр.318).

В попытках обогнать инфляционный паровоз и поддержать видимость “процветания”, правительство Альянде всё увеличивало и увеличивало денежную эмиссию - без согласия парламента, на что в принципе не имело права. В результате к концу президентства Альянде денежная масса, находившаяся в обращении в Чили, возросла десятикратно. Вот только деньги эти уже не стоили той бумаги, на которой были напечатаны (1, стр. 305; 1, стр. 354, сноска 60).

Реальные доходы населения, возросшие было в 1971 году на 19-20% по сравнению с 1970, к моменту военного переворота составляли лишь 30-52% от уровня всё того же 1970 года (11, стр. 149, таблица III.22).

Производительность труда на национализированных предприятиях обвалью пошла вниз. Даже в медной промышленности, гордости альяндевской экономической программы, дело дошло до того, что к концу правления Альянде страна извлекала из этой отрасли меньше денег, чем во время бездушной эксплуатации американскими грабителями...

Пиночету и его коллегам по хунте досталась страна, внешний долг которой на душу населения был вторым по величине в мире (почётное первое место на тот момент занимал Израиль). Долги госсектора Чили на момент прихода Пиночета к власти превышали всю денежную массу, находившуюся в руках частного сектора страны.

В течение месяца новое правительство вернуло предприятия тем, у кого они были незаконно захвачены “по инициативе снизу”. Тогда же было объявлено о планах продать частным инвесторам ещё 260 “законно” национализированных предприятий (1, стр. 565).

Возвращающиеся на свои предприятия хозяева оказались в незавидном положении, особенно хозяева самовольно захваченных фирм: их встретило изношенное и поломанное в результате некомпетентного управления оборудование и полный финансовый

хаос, поскольку ни беречь и развивать производство, ни вести бухгалтерию захватившие их бизнесы Шариковы не хотели, да и не умели.

С большинством из бывших хозяев около 50 американских бизнесов, национализированных Альенде, быстро было достигнуто соглашение о величине и сроках выплаты компенсации.

Эскудо, полностью обесцененный предыдущим правительством, был девальвирован; вместо более десятка разных курсов обмена, установленных администрацией Альенде, было введено три: для импорта, для экспорта меди, и для всех остальных обменов (1, стр. 565).

Первым шагом хунты в борьбе с унаследованным внешним долгом были меры жёсткой экономии правительственных расходов: все правительственные должности за исключением судей и правительственной бухгалтерии были немедленно объявлены временными - чтобы облегчить последующие сокращения госаппарата (1, стр. 565).

Была проведена налоговая реформа. Частью её был единовременный налог на стоимость активов всех действовавших в стране корпораций. Многоступенчатый налог на продажи был заменен одноразовым, подняты подоходные налоги и налоги на недвижимость и предметы роскоши. От налога на продажу освобождались только предметы “базовой корзины” - типа молока, пшеницы, хлеба, фруктов и овощей, книг и журналов (1, стр. 926). По заключению экспертов Всемирного Банка, новая налоговая система была более “горизонтально справедливой” (одинаковые налоги на людей с одинаковыми доходами, вне зависимости от рода занятий) и прогрессивной (то есть, налоговое бремя было непропорционально возложено в основном на состоятельные слои населения) (11, стр. 160-161).

Была проведена реформа системы импортных пошлин. При Альенде существовало несметное количество импортных пошлин, при среднем размере пошлины 94% и наличии товаров, облагавшихся пошлинами свыше 500%. В несколько этапов система была кардинально упрощена, а пошлины снижены. К августу 1975 средняя пошлина была 44%, максимальная — 90%; к марту 1978 — соответственно, 15% и 20%; к июню 1979 был введён единый

тариф в 10% (из него было несколько исключений, например автомобили) (1, стр. 934).

Результат реформ налоговой и пошлинной политики: “Не смотря на в основном стагнирующую мировую экономику, экспорт (помимо меди) быстро рос... экспорт (помимо меди) удвоился в 1974 по сравнению с 1973. За период 1974-1977 промышленный экспорт удвоился ещё раз, а сельскохозяйственный — почти утроился... К 1978 году доля промышленных товаров в экспорте выросла до 31%, по сравнению с 8% в 1973... В 1977 году Чили экспортировала в 90 стран, вдвое больше, чем в 1973...” (11, стр.107).

Впервые в своей истории страна, экспорт которой (помимо экспорта меди) никогда не давал больше 10-13% ВВП, приблизилась к величине 30% ВВП от экспорта — одной из основных составляющих экономического успеха “дальневосточных тигров” (1, 936).

Военная хунта стала первым чилийским правительством, озаботившимся диверсификацией экспорта и снижением зависимости страны от цен на медь, и добившимся в этом успеха. К 1987 году медь давала уже лишь 41% валютных доходов страны — результат целенаправленной политики правительства по стимулированию новых экспортных отраслей (1, стр. 20). Параллельно с падением удельного веса меди в экспорте общий объём экспорта вырос с 1,2 миллиардов долларов в 1973 году до 5 миллиардов в 1987, а список экспортируемых товаров расширился с 412 в 1973 году до 1343 в 1987 (1, стр. 34, сноска 60). Экспорт промышленных товаров, составлявший в 1970 году 11% всего экспорта, в 1987 году составил уже 35% (1, стр. 961).

На попытки стабилизации экономики наложился мировой нефтяной кризис, разразившийся в конце 1974 — 1975 годах. Мировые цены на нефть утроились, а цена на медь провалилась до уровня начала 1960-х — куда ниже, чем падение в годы администрации Альенде. Начавшее было восстанавливаться производство снова резко пошло вниз (10, стр. 116-117). Только на падении цен на медь бюджет страны потерял в 1975 году 826 миллионов долларов (11, стр. 107). А импорт нефти, стоивший Чили в 1973 году 148 миллионов, в 1974 обошёлся в 481 миллион, а в

1975 — в 257: не от подешевления нефти, а потому, что и без того не страдавшая избытком здоровья экономика сложилась, как карточный домик, и объём импорта нефти — вместе с ней (1, стр. 924). Рост восстановился с 1976 года и продолжался до 1981. 1982-1983 годы стали годами тяжелейшего кризиса, вызванного опять-таки начавшейся в развитом мире рецессией, приведшей к сокращению чилийского экспорта вдвое; с 1984 снова наблюдался рост экономики, хотя и в среднем более медленными темпами, чем в конце 1970-х. Таблицу годового роста ВВП, инфляции, безработицы и реальной заработной платы — см. (10, стр.118).

Чтобы хоть как-то помочь огромному количеству людей, оставшихся без работы, правительство организовало “программу минимальной занятости”, финансируемую из центра, но управляемую местными властями (она напоминала американские программы общественных работ времён Великой Депрессии). К концу 1975 года она давала источник дохода 125 тысячам человек, к концу 1976 — четверти миллиона. К концу 1978 года количество занятых в ней сократилось до 118 тысяч: экономика снова начала набирать обороты (1, стр. 938-939). Дополнительные меры помощи включали льготные тарифы на проезд на общественном транспорте для малоимущих (1, стр. 939).

“На полдороге” военного правления, в 1980 году, Всемирный Банк провёл подробное исследование экономической ситуации в Чили и проводимой чилийским правительством экономической программы.

Общий вывод исследования: “В исключительно неблагоприятных условиях чилийские власти организовали беспрецедентный в истории Чили экономический поворот. Когда в сентябре 1973 года военные взяли власть, инфляция достигла темпа в 1000% в год, резерв твёрдой валюты был негативным, обслуживание внешнего долга просрочено, а производство падало уже второй год подряд. Дефицит федерального бюджета превышал 20% ВВП страны, денежная масса вышла из-под контроля, финансовая система находилась в руинах, а обменный курс валюты был завышен на огромную величину. Высокие цены на медь и увеличение притока средств от зарубежных кредиторов помогли некоторому росту в 1974 году, но оба этих источника поддержки обрушились

в 1975 году, с общей потерей экономических ресурсов, эквивалентной 12,5% от ВВП 1974 года. С этого момента цены на медь остаются, в реальном выражении, на самом низком уровне за последние более 20 лет, в то время как государственные внешние кредиторы вытягивают ресурсы из экономики. Столкнувшись с этими фактами, правительство приняло в 1975 году программу жёсткой экономии и долговременных реформ, которая сделала возможным существенно уменьшить зависимость экономики от меди через расширение других статей экспорта; уменьшить инфляцию до средних в чилийской истории величин; восстановить систему разумных ценовых соотношений; и создать основы для будущего роста...” (11, стр. 164).

О том, за чей счёт решалась проблема выхода из кризиса 1975-1976гг, специалисты Всемирного Банка имели следующее мнение: наибольший финансовый урон понёс средний класс и состоятельные слои населения (11, стр. 154). Обитатели же самого “дна” шкалы заработных плат — наоборот, улучшили своё положение относительно всех остальных слоёв населения (11, стр. 157). Понятно, что те, у кого было больше средств с самого начала, могут легче перенести потери — но по крайней мере, это даёт представление о том, насколько соответствуют действительности популярные рассказы о том, как хунта решала свои проблемы “на горбу трудового народа”...

Отдельно надо ометить ещё один фактор, который, как правило, не учитывается при сравнении положения “при Альенде” и “при Пиночете”: количество новых участников, вступающих на рынок труда. В годы президентства Альенде на рынок рабочей силы добавлялось 12,7 (1971), 15,6 (1972), и 11, 5 (1973) тысяч новых участников в год. А в период 1974-1981гг. **минимальный** годовой прирост был 31,4 тысячи человек, а максимальный — 56,4. В результате вместо 1 миллиона человек в 1971 году рынок труда насчитывал уже 1,48 миллиона в 1981 (1, стр. 941).

В период 1977-1981гг. чилийская экономика росла темпами, опережавшими средние по Латинской Америке в 2-2,8 раза (1, стр. 943, таблица 50).

В 1982-1983 году в странах Латинской Америки разразился новый кризис. Экономики региона с задержкой в год-полтора от-

реагировали на тяжёлую рецессию, в которую развитые страны мира попали в 1979-1980гг. В США это была самая тяжёлая рецессия после Великой Депрессии 1930-х. Пока развитые страны разбирались со своими проблемами, их спрос на продукцию Латинской Америки обрушился, банковские проценты подскочили вверх, а поток капиталовложений в латиноамериканские страны испарился. Более 30 миллионов человек в странах региона остались без работы (1, стр. 945; 5, стр. 4). По оценке экспертов Всемирного Банка, вся Латинская Америка, за исключением Бразилии и Колумбии, была отброшена в развитии назад более чем на десятилетие (5, стр. 6). Кризис ударил по Чили тяжелее, чем по практически любой другой стране Латинской Америки, в немалой степени потому, что, в отличие от большинства латиноамериканских стран, Чили (в значительной степени вынужденно) полагалась на деньги частных банков в куда большей степени, чем на государственные займы или займы межгосударственных структур типа МВФ или Всемирного Банка. Сказались и серьёзные ошибки в устройстве банковской системы Чили. Систему реформировали, государство на короткое время “вошло в долю” в частных банках, но к 1987 году реформа была завершена, и государственное участие прекращено. С ростом безработицы снова возросло количество занятых в “программе минимальной занятости” (1, стр.949).

Резко подскочила инфляция — впрочем, далеко не так резко, как она в тот же период подскочила во всём регионе. Мексика, Перу, Бразилия, Аргентина в этот период имели инфляцию в 2-20 раз больше, чем Чили (1, стр. 950).

На этот раз Чили удалось уже получить кредиты МВФ и Всемирного Банка на программы выхода из кризиса. От США, как и в предыдущие годы, не поступило ни цента. Вместо помощи своему “агенту”, США в 1983 году прекратили даже поставки продовольствия в рамках гуманитарной помощи — в то самое время, когда они вливали миллионы долларов помощи в страны типа Кампучии и Уганды (1, стр. 949).

С 1984 года рост экономики возобновился; к середине 1980-х начали приносить плоды долговременные вложения в разработку достаточно скромных чилийских запасов нефти: собственная добыча стала достаточно велика, чтобы будущие нефтяные кризисы

уже не грозили экономике катастрофой (1, стр. 951).

С самого начала одной из частей экономической политики хунты стала совсем не “свободнорыночная” помощь неимущим. По мере выздоровления экономики правительство могло делать в этой области больше, и в 1986 году специалисты Всемирного Банка в своём отчёте “Бедность в Латинской Америке” написали следующее: “Чилийский случай особенно интересен, потому что представляет собой успешную попытку сконцентрировать государственные социальные затраты на беднейших слоях населения. Урезав государственные траты на социальные группы с высокими доходами и перенацелив расходы на самых бедных, оказалось возможным предоставить (им) наиболее необходимые социальные услуги несмотря на тяжелейший кризис. (Речь — о кризисе рубежа 1970-1980-х годов) ... Успех Чили в целевом расходовании средств на социальные нужды не имеет равных в регионе, и эффективность предоставления бедным социальных услуг существенно улучшена.” (5, стр. 20).

“Концентрация социальных затрат на беднейших слоях населения” выражалась, в частности, в таких программах, как бесплатная выдача молока и бесплатное медобслуживание беременных женщин (10, стр. 123).

Межамериканский Банк Развития в своём докладе от 1987 года отметил Чили в числе семи латиноамериканских государств, добившихся длительного, систематического снижения детской смертности. В докладе отдельно отмечалась успешная чилийская программа раздачи продовольствия малоимущим (1, стр. 951).

Отчёт Всемирного Банка 1986 года отмечал непрерывное (по 1984 год — более поздних данных у авторов отчёта не было) уменьшение общей смертности, детской смертности, младенческой смертности (смертность детей возрастом до 28 дней), и такое же систематическое падение случаев хронического недоедания, статистика которых в Чили была одной из лучших среди развивающихся стран (5, стр. 21).

На протяжении 1980—1985гг Чили ежегодно тратила на социальные расходы и здравоохранение в два-три раза большую долю ВВП страны, нежели другие страны Латинской Америки (1, таблицы на стр. 970).

Или, если брать другую “точку отсчёта”, социальные расходы составляли в этот период около 60% всего госбюджета Чили (1, стр. 971).

Результат: острое хроническое недоедание, которым страдали 7 из 1000 чилийских детей в 1975г., практически исчезло; младенческая смертность, составлявшая в 1973г. 65,8 на 1000, один из самых высоких уровней в Латинской Америке, к 1982 г. упала до 18,6 на 1000; продолжительность жизни с 65,1 лет в 1973г. возросла к 1986г. До 71,48 лет (1, стр. 971).

Пожалуй, лучшим свидетельством того, как сами чилийцы видят экономические реформы военной хунты, является оценка, данная уже в 1990-е годы экономистами нового, демократического чилийского правительства: “Экономическое развитие Чили в демократический период 1990-х проходит весьма успешно. ... У этого успеха много причин. **Сильное исходное положение экономики в конце 1980-х, с макроэкономической стабильностью и завершённым структурным преобразованием, без сомнения было критически важным достоинством.** ... В результате, **мы находим больше преемственности, нежели различий, в экономической политике нынешнего правительства.** ... Сохранение основной части экономической политики предыдущего режима было разумным...” (9, стр. 146)

Характерной чертой конца 1980-х в Чили стало быстрое развитие “культуры акционеров”: работники предприятий активно вкладывали деньги в ценные бумаги своих компаний, чему способствовали принятые многими компаниями программы льготных продаж ценных бумаг своим сотрудникам, поддержанные государственными займами. Дело дошло до того, что на переговорах профсоюзов с руководством предприятий вопросы, связанные с ценными бумагами, стали включаться в коллективные договоры. Один из примеров — сталелитейная компания САР (Compania de Acero del Pacifico), в которой из 6500 работников 4000 являлись держателями ценных бумаг своей фирмы. И профсоюз на очередных переговорах с администрацией попросил предоставлять работникам информацию о котировках акций фирмы на бирже к концу рабочего дня - чтобы те не ждали завтрашней утренней газеты с этой информацией (1, стр. 957).

Сельское хозяйство

Ещё в 1942 году нетто-экспорт продовольствия из Чили сменился нетто-импортом: страна перестала обеспечивать себя продуктами питания (1, стр.13).

Аграрная реформа в Чили была начата “правым” правительством Хорхе Алессандри, пришедшим к власти в 1958 году. В соответствии с проведённым через парламент законом правительство Алессандри создало государственную корпорацию КОРА (Corporacion de la Reforma Agraria), которая начала экспроприировать наименее производительные эксплуатируемые земли. 20% стоимости земли владельцам возмещали наличными, а на 80% выдавали долговременные облигации госзайма. Далеко реформа при Алессандри не зашла, национализировано было всего 60000га, на которых расселили около 1 тысячи крестьянских семей.

Пришедшее в 1964 году на смену правительству Алессандри “центристское” правительство Фрей реформу продолжило. С 1965 по 1970 год было национализировано около 3,5 миллионов га земли. Однако собственников земли эта реформа практически не создавала: с подачи КОРА правительство решило, что правильнее объединять крестьян в кооперативы на государственной земле на пять лет, и лишь потом давать им выбор: оставаться кооперативом на госземле или забрать землю в частную собственность (1, стр. 153-154; 7, стр. 5). В 1967г. правительство Фрей провело через парламент свой, исправленный закон о земельной реформе. Теперь национализации подлежали не только наименее производительные эксплуатируемые земли, а ВСЯ сельскохозяйственная земля свыше 80га орошаемой площади (или неорошаемого эквивалента, определявшегося по специальным формулам). Хозяевам отнимаемой земли платили 10% её стоимости, а остаток обещали выплатить на протяжении 15 лет (1, стр.149; 7, стр. 5; 8, стр. 79). Правительство также активно занялось юнионизацией крестьян. За время деятельности правительства Фрей было национализировано около 3,5 миллионов га земли. Примерно 30 тысяч крестьянских семей (при размерах крестьянских семей в Чили того времени это как минимум 150 с лишним тысяч человек) были расселе-

ны в новосозданных кооперативах (1, стр. 938; 8, стр. 80).

Одним из ответственных за аграрную реформу в правительстве “центриста” Фрей был тот же самый социалист Жак Чончол, который впоследствии отвечал за неё в правительстве Альенде.

По мере расширения аграрной реформы производительность труда в сельском хозяйстве Чили начала падать, сначала относительно медленно, а при правительстве Альенде - обвальными темпами (график производительности труда в сельском хозяйстве Чили за период 1965-1999: 7, стр. 24, график 1). По сравнению с 1960 годом, производительность труда работника чилийского сельского хозяйства в 1973 году составила около 83% (1, стр. 40).

Но до Альенде хотя бы росло (едва-едва) или оставалось на одном уровне валовое производство сельхозпродукции. При непрерывном росте населения страна с каждым годом “реформ” вынуждена была импортировать всё больше и больше. Причём, если до реформ правительства Фрей импорт исчислялся в десятках миллионов долларов в год, то к концу президентского срока Фрей он уже составил 171 миллион долларов в год, а все три года большого альендевского скачка на свалку истории характеризовались вынужденным импортом продовольствия на: 1971 — 310,9; 1972 — 447,5; 1973 — 594,9 миллионов долларов (1, стр.13, таблица 1.): начали падать уже и валовые объёмы производства.

В 1973 валовой объём производства сельскохозяйственной продукции упал до уровня 1936 года (когда население Чили было вдвое меньше). Если в 1970 году сельское хозяйство Чили произвело 82% потребности страны в пшенице, то в 1973 — 45%; риса — соответственно 69% и 46%; кукурузы — 46% и 29%; картофеля — 93% и 73%; говядины — 75% и 57%; баранины — 93% и 57% ; молочных продуктов — 83% и 55% (1, стр. 343).

Правительство Альенде начало вводить “безмясные” дни, а затем - и выдавать “социально близким” группам городского населения продукты по карточкам.

Весь период правления Альенде как минимум четверть миллиона чилийцев питались продуктами, поставлявшимися... из США, в рамках программ гуманитарной помощи. Эта помощь, оказывавшаяся Чили и раньше, в годы президентства Альенде возросла, составив 16,8 миллионов долларов плюс ещё четверть

миллиона целевых программ помощи жертвам стихийных бедствий (1, стр. 344).

Причины такого положения достаточно просты: популярный миф про “латифундистов-монополистов” был именно мифом. Никаких аграрных монополий в Чили в послевоенные годы не было. В 1960-м году более 50% занятого в сельском хозяйстве населения Чили работало на своих семейных фермах. При этом крупные фермы, выросшие в основном из помещичьих хозяйств 19-начала 20 века, были наиболее производительными, наиболее технически оснащёнными, и предоставляли своим наёмным работникам наилучшие условия.

Это понимал и признавал даже сам ответственный за аграрную реформу Жак Чончол. Вот что писал этот “борец с латифундиями” в 1972 году: “Эксплуатация крестьянства... часто сильнее на средних и малых фермах, чем на больших. Хотя средние и малые фермы устроены так же, как и большие, их экономическое положение более тяжёлое и поэтому они часто выживают за счёт более тяжёлой эксплуатации крестьян” (1, стр.37; 1, стр. 57, сноска 5).

Впрочем, для Чончола это было не признанием ущербности идеи “борьбы с латифундиями”, а аргументом в пользу погловной национализации всех, независимо от размера. Чего “реформаторы” и добились: если в 1960 году наёмные работники на фермах и латифундиях вместе с нищими малоземельными (до 5 га на семью) крестьянами составляли 70% занятых в сельском хозяйстве, то к 1972 году их доля возросла до 75% (1, стр.39-40).

Дело в том, что реальной проблемой сельского хозяйства Чили был не латифундистский монополизм, а то, что в нём было занято куда больше рабочих рук, чем ему было нужно. И “реформа”, дробившая самые производительные и самые передовые хозяйства, только усугубляла эту ситуацию.

К моменту прихода Альенде к власти “реформа”, которую предыдущее правительство доверило фактически “пятой колонне” социалистов, уже привела к всё учащавшимся случаям самовольного захвата земель. При Альенде этот процесс принял лавинообразный характер.

За три года правления Альенде у 34 тысяч землевладельцев

было конфисковано 5,5 миллионов га земли (с 1965 по 1973 годы было экспроприровано почти 10 миллионов га земли — около половины возделываемых земель в Чили). Ни гектара из этого количества в собственность крестьян передано не было; на этой земле под государственным надзором организовывали “кооперативы” (1, стр.938).

Дело дошло до того, что “реформаторы” стали конфисковывать уже никакие не латифундии, а самые обычные семейные фермы площадью значительно менее 80га, а иногда - и менее 10га. Парламент, в котором господствовала оппозиция, принял специальный закон, запрещающий конфискацию ферм площадью менее 40га (!), и предписывавший правительству Альенде начать, наконец, передавать уже конфискованную землю в собственность крестьянам (1, стр. 440, ссылка 77). Разумеется, правительство этот закон попросту проигнорировало.

Уровень государственного интервенционизма и результирующей нестабильности, продемонстрированный альендевской аграрной реформой, имеет только два аналога в Латинской Америке: кастровскую Кубу и сандинистское Никарагуа (7, стр. 7).

В конце 1973 года для оценки экономической ситуации в стране правительство Пиночета пригласило международную группу экспертов. Их заключение: в самом критическом состоянии находятся сельское хозяйство и энергетика страны. На основе рекомендаций экспертов правительство Пиночета обратилось в Межамериканский банк развития за кредитом, прося рассмотреть его как кредит на преодоление бедственной ситуации в ускоренном порядке. Несмотря на отказ США поддержать кредит, большинством голосов латиноамериканских акционеров банка он был утверждён и Чили получило 22 миллиона долларов к началу посевного сезона 1974 года.

После переворота свою аграрную политику хунта начала с того, что в максимально сжатые сроки вернула бывшим владельцам те фермы, которые были конфискованы с нарушениями даже альендевских законов об аграрной реформе. Следующим этапом было упразднение контролируемых правительством “кооперативов”. Земля была поделена между членами кооперативов и передана им в собственность, вместе со свободой самим решать — хо-

тят ли они кооперироваться, и если да, то до какой степени (7, стр. 5). В течение считанных месяцев свою землю получили около 45000 фермеров, а массивный государственный бюрократический аппарат, контролировавший “кооперативы”, был упразднён (1, стр. 938).

Результатом отказа государства от диктаторского контроля над сельским хозяйством и крестьянами стал быстрый рост сельскохозяйственного производства — на 16,7% только в 1974 году (1, стр. 923). За 1974-1977гг. сельскохозяйственного производство выросло по сравнению с 1973 годом на 41,9%) (11, стр. 95). После кризиса начала 1980-х рост продолжился, опережая после 1983 года остальную экономику и приведя к росту доли сельскохозяйственного производства в ВВП страны (7, стр. 7, 18, 19).

На втором этапе аграрной реформы, в 1984-1989гг (и позже, уже после ухода военной диктатуры) рост производительности труда в сельском хозяйстве привёл к падению потребительских цен на них (7, стр. 9).

Военная хунта начала одновременно урезать государственные вложения в сельскохозяйственные исследования (при Альенде 98% финансирования этих работ шло от государства) и стимулировать их частное финансирование. В результате с 1973 по 1992 год общие расходы на эти исследования возросли в несколько раз — при всё уменьшающейся доле государственных вложений (7, стр. 9-10).

Финансы

Одним из любимых пропагандистских “коньков” Альенде была так называемая “финансовая блокада Чили”, якобы установленная США после его избрания президентом.

В качестве “доказательств” этой блокады приводился тот факт, что займы от международных и американских банков в годы правления Альенде резко сократились.

При этом никто почему-то не вспоминает, что отказ от займов МВФ, а также от обслуживания обязательств Чили по уже полученным займам был одним из положений предвыборной программы Альенде. МВФ не должен был давать Чили кредитов просто потому, что правительство Альенде в соответствии со своей программой отказывалось за ними обращаться (1, стр. 316-317). В этой ситуации никакого вмешательства США было не нужно: ни один находящийся в своём уме банкир не побежит предлагать займы тому, кто их не просит, да вдобавок ещё и не платит по предыдущим займам. Но это - находящийся в своём уме. А вот банкиры МВФ, несмотря и на отказ Чили платить по старым долгам, и на громогласные заявления Альенде о том, что Чили новые кредиты МВФ не нужны, тем не менее умудрились в период ноябрь 1970 - сентябрь 1973 предоставить Чили свыше 80 миллионов долларов новых кредитов (1, стр. 339).

В сентябре 1971 года Всемирный банк направил в Чили группу специалистов для оценки финансового состояния страны. Комиссия заключила, что чилийская экономическая политика исключает эффективное использование займов — даже если страна каким-то образом сможет обслуживать кредиты (1, стр. 338). В 1972 году, в ответ на непрекращающиеся обвинения со стороны чилийских официальных лиц в “блокаде”, президент ВБ прямо заявил: дело не в блокаде, а в том, что экономика Чили находится в таком состоянии, что ни эффективное использование кредитов, ни тем более их возврат просто невозможны. В ответ Чили отказалась от обслуживания своих обязательств по всем предыдущим займам ВБ (1, стр. 338).

Ещё один традиционный поставитель займов латиноамериканским странам - Межамериканский банк развития - выплатил правительству Альенде по ранее одобренным займам рекордные для этого банка 33,8 миллиона долларов в 1971 году, ещё 21,7 миллионов — в 1972, и 14,5 миллионов — в 1973, до сентябрьского переворота. Много написано о “молчаливом саботаже” этим банком заявок правительства Альенде на новые займы — но детальное рассмотрение истории этих заявок не обнаруживает никаких отличий от стандартной практики банка (1, стр. 336-338, 592).

Ещё один интересный факт “финансовой блокады” Чили Соединёнными Штатами - то, что США продолжали чётко, как часики, выплачивать правительству Альенде те займы, на которые было дано “добро” до отказа правительства Альенде платить по своим долгам. За 1971-1972 годы правительство Альенде получило от правительства США, уже знавшего, что деньги никто возвращать не собирается, около 200 миллионов долларов! Кроме того, чилийские платежи по обслуживанию долговых обязательств должны были составить только в 1972 году 243 миллиона долларов. Грубо говоря, положив с прибором на свои долговые обязательства, правительство Альенде получило только в 1972 году эквивалент кредита в 243 миллиона.

В дополнение к этому, правительство Чили продолжало добиваться кредитов в Западной Европе, и в СССР и Китае - и неплохо преуспело в этом: в 1972 году были получены согласия на кредиты общей суммой 600-950 миллионов долларов. Но как и любые крупные кредиты, они требовали времени для получения на руки реальных денег, и очень небольшая часть этих денег успела достичь Чили (после переворота все эти займы, естественно, были аннулированы - не все же готовы платить своим врагам, как тупые американцы!). Точное количество кредитов от соцстран, которые правительство Альенде успело получить, неизвестно. Разные авторы называют суммы от 30 до 90 миллионов долларов (1, стр. 339).

Самое же главное — не подлежащий сомнению факт: за три года своего пребывания у власти правительство Альенде набрало новых долгов на 600 миллионов долларов. Если сравнить это с правлением предыдущего президента Фрей — то за шесть лет его

президентства чилийский госдолг увеличился чуть более чем на 1,2 миллиарда долларов. То есть, находившееся в “блокаде” правительство Альенде набирало новые долги ровно теми же темпами, что и предшествовавшее ему правительство, о “блокаде” которого никто и никогда не заявлял (1, стр. 339).

Неплохо для страны, находящейся в “финансовой блокаде”, а?

А теперь сравним это со щедрым финансированием, которое получил Пиночет.

Первый американский кредит, полученный правительством Пиночета - целевой 24-миллионный кредит от США на закупку продовольствия в США (26 сентября 1973 года). Кредит был выдан для замещения поставок продовольствия из СССР и стран Восточной Европы. Советские и восточноевропейские суда с продовольственными поставками, находившиеся в пути на момент переворота, развернулись и взяли обратный курс в течение суток после 11 сентября (1, стр. 528, 593), а нужда в продовольствии была очень острой: как уже было отмечено выше, “реформы” Альенде отбросили сельское хозяйство Чили на уровень 1936 года - при вдвое большем по сравнению с 1936 годом населении.

Параллельно с этими первыми кредитами шли переговоры о выплате просроченных платежей по долгам Чили (124 миллиона только американским кредиторам за период с момента отказа Альенде платить в ноябре 1971г. по декабрь 1972г.) (1, стр. 593), о выплате компенсаций ограбленным Альенде иностранным компаниям, и о получении займа от МВФ, к которому Альенде отказывался даже обращаться. Под гарантии жёсткой финансовой дисциплины МВФ предоставил первый займ в размере 95 миллионов долларов. Благодаря этому займу, представители Чили на переговорах с Парижским клубом смогли добиться реструктуризации миллиардного долга, доставшегося им в наследство от правительства Альенде (1, стр. 593). Когда правительство Пиночета согласилось выплатить предыдущие задолженности Мировому банку, стало возможным вести и с ним переговоры о кредите. Но самое главное - начали вновь предоставлять кредиты частные банки, которые после массовых экспроприаций банков правительством Альенде по понятным причинам полностью перекрыли кредитование кого бы то ни было в Чили (1, стр. 593).

В 1976 году, впервые после 1970 года, Чили выполнила в срок все свои обязательства по обслуживанию госдолга (1, стр. 931). В период 1975-1977 гг. Чили выплатила прошлых долгов больше, чем получила новых займов — такова была реальность, в отличие от популярных сказок про “массированную помощь США своему сукину сыну” (11, стр. 110, таблица III.10).

В 1977 году частные банки были источниками 86% всех предоставленных Чили займов, в то время как в предыдущее десятилетие частные займы составляли лишь около 20% (11, стр.110).

Что же касается предоставления кредитов именно от США - уже в октябре 1973 года в Сенат был внесён законопроект о прекращении любой помощи Чили, за исключением гуманитарных поставок (1, стр. 570, 594). К 1976 году были полностью прекращены все программы помощи Чили, включая военную помощь (1, стр. 594-595). Это особенно интересно в свете того, что все годы правления Альенде американская военная помощь его правительству продолжалась! На американские деньги Альенде увеличил армию своей страны с около 12 тысяч человек в 1970 году до 32 тысяч человек к концу своего правления в 1973-м (флот оставался примерно на одном уровне, около 18 тысяч человек). То есть - на военные расходы Альенде США деньги выделяли, а на военные расходы Пиночета - отказались.

Полное отсутствие государственных американских кредитов продолжалось до ухода правительства Пиночета.

Более того, в период 1974-1977гг. госдолг Чили, составлявший около 3,5 миллиардов долларов (долги доальендевских времён — 2,566 миллиарда долларов, плюс долги правительства Альенде плюс признанные правительством Пиночета долги по компенсациям ограбленным Альенде компаниям) не только не вырос, но даже слегка уменьшился (1, стр.149, 800-801) То есть, приняв на себя все обязательства, от выполнения которых отказался режим Альенде, хунта умудрилась одновременно восстанавливать экономику и начать выплачивать долги, практически не получая новых займов. Лишь к концу 1970-х, когда восстановление чилийской экономики стало очевидным, в страну хлынул поток частных капиталовложений и отсутствие кредитов от государств и международных финансовых учреждений потеряло былое значение. Вот

такие интересные были у правительства Альенде “финансовая блокада”, а у правительства Пиночета - “огромные американские займы”.

И, пожалуй, последнее замечание в “финансовом” разделе. Критики чилийской экономической реформы любят вспоминать огромный государственный долг, с которым страна пришла к окончанию правления Пиночета. Как часто повторяет один любимый мною автор, всё познаётся в сравнении: за период 1970-1987 год из 19 стран Латинской Америки, о которых есть достоверная информация на эту тему, Чили - на предпоследнем, 18-м, месте по росту государственного долга. Не так уж плоха оказывается чилийская долговая ситуация, если не вырывать её из контекста... (1, стр. 953) Да и сами чилийцы, похоже, не разделяли тогда страхов по поводу госдолга. Стандартная проблема стран-должников — вывоз капитала. В 1986 году в странах Латинской Америки из каждого занятого доллара 70 центов вскорости “сбегали” из страны. Единственное исключение? Чили, в которой этой проблемы не существовало, и вместо этого происходила репатриация заработанных за рубежом капиталов (1, стр. 956).

Политическая сфера

В описании политической ситуации в Чили начать, мне кажется, надо с уточнения того, чем на самом деле была чилийская Соцпартия. В своих программных документах Соцпартия Чили именовала себя не иначе как “марксистско-ленинской” (8, стр. 82).

Вот что, например, говорилось в Резолюции 22 съезда Соцпартии Чили в ноябре 1967 года: “Революционное насилие неизбежно и законно. Оно является неизбежным результатом реакционного и вооружённого характера классового государства. (Насилие) представляет собой единственный метод, ведущий к взятию политической и экономической власти и её последующей защите и укреплению. Только уничтожением бюрократического и военного аппарата буржуазного государства возможно консолидировать социалистическую революцию. Мирные и законные формы борьбы (профсоюзная, идеологическая, выборная, и т.д.) сами по себе не ведут к власти. Социалистическая партия считает их инструментами ограниченного действия, встроенными в политический процесс, который ведёт нас к вооружённой борьбе” (1, стр. 59, сноска 17; 1, стр.249; 8, стр.82).

Или возьмём 23 съезд Соцпартии Чили: резолюция съезда призывает к “активному сопротивлению нынешнему экономическому и социальному порядку, затем вооружённому сопротивлению и, наконец, восстанию” (1, стр. 228).

Мне представляется, что на основании программных документов Соцпартии Чили её правильнее считать ещё одной чилийской компартией, причём более радикально ленинистской, нежели партия, носившая в Чили официальное название Коммунистической.

Впрочем, вот что писал сам Альенде о том, почему он не член компартии, и зачем Чили понадобилась идентичная коммунистам по идеологии соцпартия: “Мы проанализировали ситуацию в Чили и были уверены, что в стране есть место для партии, которая, придерживаясь сходных взглядов в части философии и доктрины — марксистского подхода к интерпретации истории —

была бы партией, свободной от связей международного характера. Это, однако, не означало, что мы расстались с пролетарским интернационализмом (1, стр. 223). Короче — ещё одна компартия, не являющаяся так очевидно, как первая, марионеткой Кремля. Да к тому же занимающая позиции “слева” от “официальной” в тактических вопросах.

Альенде получил 36,2% голосов на выборах. Правый кандидат, бывший президент Чили Хорхе Алессандри, прошедший избирательную кампанию практически без средств, набрал всего на 39 тысяч голосов меньше. Следом с 27,8% голосов шла номинально центристская, а на самом деле находившаяся лишь чуть правее “Народного Единства”, коалиция во главе с Христианскими Демократами. В ситуации, когда ни один из кандидатов не набрал абсолютного большинства, выбрать президента из двух кандидатов, набравших наибольшее число голосов, или назначить повторные выборы по конституции должен был парламент. Алессандри заявил, что даже если парламент его выберет, он немедленно сложит с себя полномочия: президент должен иметь мандат большинства населения и правильным решением будет провести повторные выборы между двумя набравшими наибольшее число голосов кандидатами (1, стр. 287). Реакция Альенде? Попробуйте только меня не выбрать, моя коалиция ввергнет в хаос всю страну! (1, стр. 287) Прекрасно понимая, с кем имеет дело, парламент проголосовал за Альенде лишь на условии подписания последним так называемых “семи гарантий”. Грубо говоря, от Альенде потребовали клятвенно пообещать соблюдать конституцию и законы страны. Альенде гарантии подписал.

А через четыре месяца после инаугурации у Альенде с французским журналистом Режи Дебрэ состоялась беседа следующего содержания:

Дебрэ: “Было ли это абсолютно необходимо? Нужно ли было договариваться о Законе о демократических гарантиях?”

Альенде: “Да, поэтому мы это и делали. ... Поставьте себя в тот период, когда создавался этот закон, и Вы увидите, что он был **тактической необходимостью.**” (выделено мной) (1, стр. 290)

Своё отношение к подписанным обязательствам, как к тактическому приёму, ни к чему его на самом деле не обязывающему,

Альенде не замедлил продемонстрировать.

Ноябрь 1970 года, Альенде ещё не закончил первую неделю своего президентства. Его правительство начинает давить на суд, пытаясь остановить процессы против арестованных при предыдущем правительстве боевиков маоистской организации MIR. Не сумев добиться прекращения дел, 4 января 1971 года Альенде издает президентский указ о помиловании сорока трёх “партизан” MIR и аналогичной организации “Народный Авангард” (VOP). Это помилование выстрелит — буквально - на всю страну через полгода (1, стр. 307).

Одним из первых поступков Альенде на посту президента было переселение (за госсчёт) на виллу в одном из самых дорогих районов Сантьяго. Вместе с ним на вилле поселились 70 с лишним человек до зубов вооружённой охраны (1, стр. 306) - не государственной (таковой у чилийских президентов в те времена не было вообще), а личной “преторианской гвардии” Альенде, обученной кубинцами в рамках ещё предвыборной программы “подготовки боевого крыла Народного Единства”. Объяснение Альенде, только что обещавшего избирателям быть “несгибаемым” в “поддержании морального уровня правительства” - то, что его собственный дом стал “неадекватен с точки зрения безопасности” для президента, собирающегося “национализировать медедобтчиков, банки, латифундии и монополии” (1, стр. 306). Для сравнения: Эдуардо Фрей — предшественник Альенде — весь срок президентства прожил в достаточно скромном собственном доме. “Правый” Хорхе Алессандри (предшественник Фрей) и оба срока своих президентств, да и вообще всю взрослую жизнь, прожил в крохотной квартирке в центре Сантьяго, откуда ходил “на работу” в президентский дворец Ла Монеда пешком (1, стр. 306). Таким образом, для Фрей, национализировавшего 51 процент медедобычи, безопасность была “адекватной”, а для Альенде, нацелившегося на оставшиеся 49% - нет.

Свои дальнейшие, ещё более крутые приобретения за госсчёт, включая поместье “Эль Канаверал” для себя и своей любовницы в пригородах Сантьяго, также охранявшееся десятками до зубов вооружённых боевиков, избранник народу объяснять уже и не пытался (1, стр. 306).

Своих “телохранителей” Альянде продемонстрировал изумлённой публике ещё до окончательной победы на выборах. Grupo de Amigos Personales, “отряд личных друзей”, представлял из себя организованную вне всяких законов военизированную организацию, подготовкой членов которой занимались кубинские “эксперты”. Не выпускавшие из рук автоматы “личные друзья” стали постоянными спутниками президента и других высокопоставленных членов его правительства. Численность этой организации быстро была доведена до нескольких сот человек (1, стр. 381).

Помимо кубинцев, подготовкой “личных друзей” и нескольких других групп боевиков занимались советские, чешские, северокорейские и восточногерманские “специалисты” (1, стр. 381-382). Руководителем группы личной охраны Альянде был кубинский гражданин Хозе Риверо. После военного переворота полиция отловила и выслала из страны около 14 тысяч иностранных граждан, находившихся в Чили нелегально. 973 из них были гражданами Кубы, и это - НЕ считая несколько тысяч кубинцев, находившихся в стране официально, под прикрытием дипломатических и туристических виз (1, стр. 384). Отлов был значительно облегчен списками этих “воинов-интернационалистов”, обнаруженными в сейфе замминистра внутренних дел правительства Альянде (1, стр. 573). Группу из 12 советских офицеров и 12 “технических специалистов” в штатском арестовали в день переворота (и выслали потом из страны) в местечке Эль Беллото близ Вальпараисо, где они с 1972 года, работая под прикрытием “установки оборудования для домостроительного комбината” были заняты “обучением революционеров пользованию оружием, боям в городских условиях и партизанской деятельности в городах” (1, стр. 526).

С января 1971 по сентябрь 1973 года кубинская авиакомпания “Кубана де Авиасьон” перевезла около 10 тонн почты из Чили на Кубу. А из Кубы в Чили эта авиакомпания перевезла 71 тонну “почты”. Впоследствии захваченные документы и собственно “почта” показали, что кубинские “почтовые перевозки” были частью транспортного моста, перебросившего в Чили полный комплект вооружения для пехотной дивизии в 15 тысяч человек: 9 с лишним тысяч винтовок, около 7 тысяч пистолетов и автоматов, 120 единиц тяжёлого вооружения (миномёты, базуки, противотан-

ковые пушки), патроны и снаряды к этому богатому ассортименту, гранаты, 118 тонн взрывчатки (1, стр. 382-383). Документ, обнаруженный в сейфе президентского дворца “Ла Монеда” после переворота показал, что между руководством Соцпартии и номинально независимой маоистской террористической организацией MIR была куда более тесная связь, чем пытались до этого утверждать социалисты. Подписанный командиром личной охраны Альенде кубинцем Хозе Риверо рапорт “товарищу Альенде” сообщал о передаче боевикам MIR двух 57-мм пушек, четырёх пулемётов 30-го калибра, 31 винтовки “Гаранд” и прочей мелочи (1, стр. 384). Помимо поставок оружия из-за рубежа, кое-что производилось и на месте. На национализированном заводе по производству холодильников в ночные смены трудящиеся выпускали “народные танки” - переоборудованные автопогрузчики с навешенной на них бронёй и крупнокалиберным пулемётом (1, 384-385).

В попытке хоть как-то притормозить сползание страны в гражданскую войну парламент 21 октября 1972 года принял закон, запрещавший владение автоматическим оружием всем, кроме армии и карабинеров и делавший незаконными любые попытки организовать, вооружать и обучать частные вооружённые формирования (1, стр. 385). Разумеется, на себя этот закон “Народное единство” распространять не позволило, и “личные друзья” Альенде и прочие вооружённые банды социалистической и коммунистической партии продолжали спокойно дефилировать по улицам чилийских городов с автоматами в руках. Некоторое количество складов с оружием было-таки захвачено военными, но на фоне того, что было обнаружено уже после переворота, это была капля в море.

9 апреля 1971 года. Выступая на Первом национальном съезде левых журналистов, Альенде говорит: “В журналистике не может быть объективности. Левые журналисты должны принять активное участие в борьбе и стать авангардом революционной мысли” (1, стр. 398).

Тот же 1971 год, партия Альенде излагает своё мнение о государстве, президентом которого её лидер только что стал: “Буржуазное государство в Чили не сможет быть опорой для строительства социализма, и его необходимо уничтожить” (3, стр. 59).

Уже к июлю 1971 года, за считанные месяцы президентства Альенде, полицией было зарегистрировано 658 незаконных захватов ферм, 339 незаконных захватов городских бизнесов, 218 незаконных захватов участков земли в городской черте и 154 захвата школ левацкими бандформированиями (4, стр. 198).

А вот как описывает эти захваты ферм очевидец, французская журналистка Сюзанна Лабин, член Соцпартии Франции: “Группа, вооружённая дубинами и ружьями, врывается на ферму; приказывает владельцу и его семье паковать вещи; выталкивает их на дорогу; собирает всех наёмных работников фермы; заявляет им, что отныне ферма принадлежит им, и поднимает над фермой флаг с надписью: “Эта собственность захвачена народом” (4, стр. 198).

Публично дистанцируясь от этого разгула насилия, Альенде и его министр внутренних дел полностью блокировали все попытки полиции пойти дальше простой констатации факта. Альендевский министр, занимавшийся аграрной реформой, Жак Чончол, рассказывал о том, что никаких вооружённых банд, захватывающих фермы, не существует, журналистам, которые только что пробирались к нему на пресс-конференцию через блок-посты... уставленные этими несуществующими бандами (1, стр.354).

26 ноября 1970 года, через считанные дни после инаугурации Альенде, наряд полиции, прибывший на место такого незаконного вооружённого захвата фермы, попал под огонь боевиков и командир наряда приказал открыть ответный огонь. Угадайте с трёх раз, что попал под следствие? Правильно, командир полицейского наряда. Приказ о расследовании исходил лично от альендевского министра внутренних дел Хозе Тоа, только что уверявшего чилийский парламент: “Правительство никогда не позволит, где бы то ни было, при каких бы то ни было обстоятельствах, существования вооружённых групп, организованных в противоречии с законом” (1, стр. 308).

8 июня 1971 года группа боевиков MIR - номинально независимого “вооружённого крыла” Соцпартии - расстреляла на глазах его дочери и толпы прохожих бывшего министра внутренних дел (в предыдущем правительстве Фрей). Стрелок - Ривера Калдерон, один из сорока трёх левых террористов, освобождённых указом Альенде о помиловании от 4 января 1971. Ружьё, повешенное

Сальвадором Альенде полгода назад на политической сцене страны закономерно выстрелило.

Найти мерзавцев удалось только потому, что дочь убитого опознала их и потому, что в охоту включилась армия. Ривера Калдерон погиб в перестрелке, пытаясь уйти от погони по крышам домов; его брат Артуро, организатор теракта, застрелился, отказавшись сдаться; через три дня третий участник теракта — руководитель “братской” для MIR организации VOP Эриберто Салазар Бейо, обвязавшись взрывчаткой, ворвался в полицейский участок в Сантьяго и подорвал себя, убив двоих полицейских и ранив третьего (1, стр. 310).

Всего через 2 месяца после избрания Альенде уже всю расуждал о новой конституции, в которой будет упразднена независимость судов и жёстко ограничены полномочия парламента.

21 мая 1971 года. Первый доклад Альенде парламенту о состоянии дел в стране ('State of the Union', стандартный ежегодный доклад президента). Альенде: “Наша система юстиции должна быть изменена. Из этого вытекает огромная ответственность обеих палат (парламента): помогать, а не мешать, изменениям в этой системе. От того, займёт ли парламент позицию реализма, в огромной степени зависит, будет ли капиталистическая законность заменена социалистической законностью в согласии с теми социальными и экономическими изменениями, которые мы производим, без насильственного перелома в юрисдикции, который откроет двери произволу и эксцессам, которых мы, как ответственные люди, желаем избежать” (1, стр.314). Ассоциации с диалогом рэкетира-мафиозо с владельцем ресторана: “Хорошее у тебя, мужик, заведение. Жаль будет, если с ним от отсутствия у тебя реализма пожар случится. Мы ведь с тобой — ответственные люди и оба хотим этого избежать, не так ли?...” - возникли не только у меня; чилийский парламент эту речь воспринял аналогично.

Свой проект реформы судебной системы Альенде подписал и передал в парламент 10 ноября 1971 года, в день прибытия в страну лучшего друга латиноамериканских демократий Фиделя Кастро. Однако визит Фиделя даром не прошёл: парламент, вместе с остальными чилийцами наблюдавший преподнесение Фиделем

чилийскому президенту “подарка” в виде именного автомата АК-47 с позолоченной гравировкой “Моему другу и товарищу по оружию. Фидель Кастро”, мессидж, что называется, понял и проект судебной реформы дружно провалил (1, стр. 314).

Август 1971 года. Член Соцпартии Чили, главный редактор официального органа Соцпартии La Nación, Оскар Вайсс пишет: “В это время перемен мы, чилийские социалисты, не желаем ограничивать себя подсчётом того, сколько депутатов у Христианских Демократов, а сколько — с нами в наших окопах. Мы видим в выборах всего лишь приблизительный указатель общих трендов, но мы ни в коем случае не считаем их математическим выражением корреляции социальных сил в (нашем) конфликте. Буржуазная демократия по сути своей ограничена, произвольна, искажена, и несправедлива” (1, стр. 59, сноска 17).

1 декабря 1971 года на демонстрацию протеста против политики правительства Альенде вышли женщины. На главной улице Сантьяго на демонстранток напали боевики “бригад” Компартии Чили “Рамон Парра” и Соцпартии Чили “Элмо Каталан”, поддержанные боевиками братской MIR. Женщин забросали булыжниками и утыканными бритвенными лезвиями картофелинами. Затем бесстрашные бойцы за революцию перешли в рукопашную, от души орудуя дубьём. По приказу альендевского МВД карabinеры разогнали свалку слезоточивым газом. Около сотни демонстранток попали в больницы с ранениями разной степени тяжести, **в том числе и огнестрельными.** На следующий день Альенде объявил по всей провинции Сантьяго чрезвычайное положение (с последующим объявлением комендантского часа). Была введена цензура СМИ, запрещены дальнейшие демонстрации, начались аресты без ордера суда. Заодно под шумок были закрыты две оппозиционные радиостанции (1, стр. 315).

В ответ парламент начал процедуру импичмента альендевского министра внутренних дел Хозе Тоа, обвиняя его в отсутствии даже попыток противодействия незаконным вооружённым формированиям типа MIR, “Элмо Каталан”, и др. Не дожидаясь очевидного исхода, Альенде произвёл в своём кабинете рокировку: передвинул отличившегося партийного бойца на пост министра обороны. Этот приём в последующие два года своего президент-

ства Альенде повторял многократно, сделав за 36 месяцев своего пребывания у власти 28 таких “рокировок” (1, стр. 315, 316).

8 декабря 1971 года. Правительство Альенде объявляет о полном взятии “под революционный контроль” всей цепочки снабжения продуктами питания. Начинается организация “комитетов бдительности” для борьбы со “спекулянтами” (1. стр. 316).

9 ноября 1971 года Альенде объявляет, что его правительство прекращает выплаты по своим внешним долгам. Шаг невероятный, учитывая, что одним из пунктов программы “Народного Единства” (т.н. “первых сорока мер”) был отказ от обслуживания долговых обязательств по займам МВФ. Страна, начавшая президентство Альенде с рекордным в своей истории резервом твёрдой валюты в 394 миллиона долларов, всего за год скатилась до 163 миллионов (1, стр. 316-317).

1972 год. Пленум Соцпартии, руководство которой после избрания Альенде президентом перешло к его хорошему товарищу Карлосу Альтамирано, постановляет: чилийское “буржуазное государство” должно быть уничтожено. “Для социалистов, каждая маленькая победа поднимает следующую схватку на новый уровень, пока, наконец, мы не достигнем неизбежного момента, в который решится - кому будет принадлежать власть в Чили”.

Февраль 1972 года. В заявлении руководства Соцпартии Чили говорится, что “настоящие революционные преобразования” останутся невозможны, пока правительство продолжает соблюдать “буржуазные демократические правила”. Вывод: Соцпартия будет поддерживать любые проявления “стихийно возникающего народовластия”.

19 февраля 1972 года. Чилийский парламент 100 голосами против 33 принимает серию поправок к конституции, требующих одобрения парламента для национализации любого предприятия. Поправки ретроактивны до 14 октября 1971 года (сразу после национализации медной промышленности). 6 апреля Альенде накладывает президентское вето на поправки и грозит распустить парламент (на что по конституции страны не имеет права) или назначить референдум, если парламент будет продолжать свой “обструкционизм исполнительной власти” (что по конституции в такой ситуации он как раз **должен** был сделать). Альенде грозился

референдумом неоднократно, но ни разу не решился выполнить свою угрозу. Тем более он не стал это делать тогда, когда референдума требовала от него его оппозиция в парламенте (1, стр. 340, стр. 394).

1 августа 1972 года. “Мы приветствуем рабочих, отказывающихся подчиняться юридическому порядку (основанному на) ущербной интерпретации Верховным Судом, парламентом... Воля нашего народа — превыше интерпретаций.” Генсек Соцпартии Чили товарищ Карлос Альтамирано о незаконных захватах частных предприятий (1, стр. 375).

15 сентября 1972 года. Эрнан дель Канто, “Генеральный Секретарь” правительства Альенде, предупреждает иностранных журналистов, что если их репортажи будут признаны правительством “тенденциозными”, их ждёт высылка из страны. Причины озабоченности товарища дель Канто тенденциозностью журналистов? Межамериканская Ассоциация Прессы только что выступила с протестом против государственного давления на СМИ. Международной Институт Прессы только что выступил против “продолжающейся кампании запугивания и актов экономической мести”, выразившейся в угрозах журналистам арестами без суда, забрасывании редакции газеты *Correo de Valdivia* бутылками с зажигательной смесью, избиениях и отстрелах журналистов (1, стр. 398). После падения правительства Альенде всплывут документы о том, что Альенде купил у предыдущего владельца левую газету “*Clarín*” за 1,5 миллиона долларов, переведённых в счёт покупки с банковских счетов в чехословацких, кубинских и швейцарских банках. А пока — освещать чилийские новости местным сотрудникам “*Clarín*” и ещё одной левой газеты, “*Punto Final*”, помогают не замеченные правительством Альенде в “тенденциозности” штатные сотрудники кубинского агентства новостей “*Prensa Latina*” (1, стр. 399).

В октябре 1972 года по стране прокатилась забастовка профсоюза водителей грузовиков. Члены профсоюза, в подавляющем большинстве являвшиеся владельцами одного-двух грузовиков, протестовали против планов правительства национализировать транспорт. Забастовка началась с одного местного отделения профсоюза в провинции Аисен, на самом юге страны. В крат-

чайший срок к ним присоединились отделения профсоюза по всей стране и ещё 45 профсоюзов: рабочие, крестьяне, пилоты, студенты, хозяева мелких магазинчиков. Ответ “правительства народного единства”? Аресты сотен водителей, руководства профсоюза. Конфискация их собственности. Захват нескольких радиостанций, посмевших освещать забастовку. Объявление “военного положения” в Сантьяго и “чрезвычайного положения” ещё в 12 из 25 оставшихся провинций Чили, поставившие в условия военного положения практически всё население страны. Лично лидер трудового народа Альенде публично, на всю страну угрожал каждому владельцу магазина, который посмеет присоединиться к забастовке, высылкой из страны. Ещё один деятель правительства Альенде, Патрисио Палма, лично командовал полицейскими нарядами, вышибавшими запертые двери частных магазинов. Понадобился почти целый месяц безрезультатных угроз и насилия со стороны “Народного Единства”, чтобы Альенде, наконец, согласился встретиться с руководителями забастовки и выслушать их (1, стр. 368). В конце концов Альенде пришлось пойти на беспрецедентный шаг: ввести в правительство военных. Только высшим офицерам чилийских вооружённых сил удалось уговорить забастовщиков вернуться к работе — под гарантии возврата отобранной собственности, отказа от национализации автотранспорта и прекращения преследований участников забастовки. Однако главное требование забастовщиков — общенациональный референдум о будущем экономики страны — было правительством категорически отвергнуто (1, стр. 369, 370).

Декабрь 1972 года. Наш герой - в Москве, констатирует “полную идентичность взглядов” с советским руководством, и гордо именуется СССР “старшим братом” Чили. Заодно мир узнаёт о том, что в Чили уже работают около пятисот советских “технических специалистов” (1, стр. 370).

К 1973 году несознательные рабочие, не желавшие класть зубы на полку ради обещаний светлого будущего, привели Альенде к глубокому умозаключению: “у рабочих нет ни революционного сознания, ни морали” (1, стр. 366). Этому перлу мы обязаны чилийским профсоюзам. В 1973 году кандидаты от социалистов и коммунистов, традиционно занимавших ведущие роли в руководстве чилийскими профсоюзами, проиграли 80% профсо-

юзных выборов. Даже шахтёрские профсоюзы, в которых социалисты и коммунисты доминировали как минимум 30 лет, вышвырнули их из своего руководства. Странным образом это совпало с единственным годом в истории чилийской медной промышленности, когда управляемые “слугами народа” рудники не только не дали прибыли казне, а принесли убытки (1, стр. 367).

10 января 1973 года. Ситуация с продовольствием деградировала до такой степени, что впервые в истории Чили правительство Альенде вводит карточки. При правительстве создаётся новый “Секретариат по распределению”. Торговля и даже бартерный обмен “базовыми продуктами” запрещаются, отныне их будут “распределять”. Назначается “потребительская корзина” из примерно 30 продуктов питания, среди которых масло, сахар, рис, кофе, мясо. Нормы потребления каждой семьёй этих продуктов отныне будут определять “комитеты по ценам и снабжению”: Juntas de Abastecimiento y Precios, сокращённо - JAP. По-русски это сокращение звучит очень правильно: ХАП. Крестьяне отныне тоже будут получать свои продукты через сельские ХАПы, которые сначала отберут у крестьян их продукцию по установленной правительством цене, а потом выдадут им обратно ровно столько, сколько по мнению ХАПов крестьянам полагается (1, стр. 372-373). Излишне говорить, что от несознательного населения в адрес коммунистов и социалистов, поставленных правительством “Народного Единства” рулить ХАПами, немедленно посыпались обвинения в том, что они первым делом занялись ХАПанием всего, что только можно, лично для себя (1, стр. 373).

Однако главным последствием этого начинания правительства “Народного Единства” стала не немедленная реакция населения, а то, что оно привело мало кому в тот момент известного даже в Чили адмирала флота Хозе Мерино к решению действовать. Мерино связался с группой молодых университетских экономистов и предложил им начать планирование гипотетических реформ в будущем гипотетическом правительстве Чили. Заодно Мерино обсудил с генералом Аугусто Пиночетом подготовку безобидного плана подавления гипотетического антиправительственного мятежа... (1, стр. 374, 564)

30 января 1973 года. Министр образования Чили, выступая по

национальному телевидению, излагает план реформы образовательной системы. План включает создание единой унифицированной программы обучения, с обязательным изучением “основ социализма”. Цель реформы - воспитать в молодом поколении “социалистический гуманизм”. Моделью для плана реформы послужила образовательная система Восточной Германии (1, стр. 395-396).

Обе ключевые фигуры последующего военного переворота — Мерино и Пиночет — утверждали потом, что именно этот проект реформы образования привёл их к окончательному решению: не “если”, а “когда” (1, стр. 437, сноска 63).

Окончание и список использованной литературы. Предыдущие главы: [1](#), [2](#), [3](#).

Политическая сфера-2

5 февраля 1973 года. Альенде излагает платформу “Народного единства” на приближающихся парламентских выборах. Намеченные цели: конституционная “реформа”, концентрирующая власть в руках президента, замена двухпалатного парламента однопалатным, которым будет легче манипулировать, ликвидация независимости судов. Поскольку социализм в Чили уже неизбежен, предупреждает Альенде, попытки “правых сил” воспрепятствовать революции лишь приведут к вспышке насилия, но ничего не изменят (1, стр. 380).

4 марта 1973 года. На выборах в парламент, самых массовых за всю историю Чили, “Народное единство” получает 43,4% голосов, а оппозиция – 54,7%.

По мере продолжающегося вооружения левых, армия учащает рейды против нелегальных складов оружия. В период апрель-июнь 1973 года каждую неделю проводится в среднем три таких операции (1, стр. 403).

25 апреля 1973 года. Парламент голосует за отмену президентского вето, наложенного на конституционные поправки в феврале 1972 года и даёт Альенде 30 дней на то, чтобы подписать поправки или передать дело в Конституционный Трибунал (полномочия на это действие по чилийской конституции у парламента были). 11 мая Альенде передаёт дело в Конституционный Трибунал, который выносит решение, что решение данного спора — вне его юрисдикции. После чего у Альенде остаются два законных пути — подписать конституционные поправки или вынести их на референдум. Альенде выбирает третий путь — игнорировать закон (1, стр. 394-395).

26 мая 1973 года. Верховный Суд Чили в заявлении, подписанном всеми 14 членами, обвиняет правительство Альенде в открытом и намеренном нарушении законов и конституции страны, приведшем к развалу правовой системы.

28 июня 1973 года. Группа офицеров танкового полка поднимает мятеж. Мятеж подавлен в тот же день, но сторонники Альен-

де по его призыву занимают заранее подготовленные позиции на национализированных предприятиях в промышленной зоне Сантьяго и окружающих город “бидонвилях” и начинают открытое вооружённое патрулирование. За происходящим внимательно следят Пиночет и его коллеги, отмечая все потенциальные узлы сопротивления планируемому ими перевороту. Среди всего прочего, отмечен и тот факт, что готовых поддержать в решающий момент Альенде сторонников оказалось катастрофически мало - “массы” на улицу по его призыву не вышли. 11 сентября сторонники Альенде повторяют свои действия во всех деталях — на свою же голову (1, стр. 404-405).

7 августа 1973 года. Командование ВМФ объявляет о раскрытии военного заговора на флотских базах Талькауано и Вальпараисо. Группа сторонников Соцпартии решила дать Альенде формальный повод объявить военное положение по всей стране и распустить парламент. План заключался в том, чтобы поднять восстание на двух кораблях, перебить старших офицеров, обстрелять военно-морскую базу - а потом представить дело как “подавление революционными матросами фашистского офицерского мятежа против законного правительства” (1, стр. 417-418). К 30 августа выясняется, что ниточки тянутся к лидеру Соцпартии Альтамирано, лидеру “боевого крыла” социалистов - так называемой партии MIR — Мигелю Энрикесу и бывшему замминистра экономики правительства Альенде Оскару Гарретону. Флот обращается в суд с просьбой лишить товарищей депутатской неприкосновенности (1, стр. 418). 9 сентября в речи на стадионе Сантьяго перед огромной толпой своих сторонников Альтамирано признаёт, что встречался с заговорщиками — якобы, чтобы выслушать их обвинения в адрес офицеров (1, стр.418). Далее он заявляет: “Правых можно сокрушить только непобедимой мощью народа, солдат и сержантов, и офицеров, верных существующему правительству... Преобразования можно завершить только если народ возьмёт власть (в свои руки). Чили превратится в ещё один героический Вьетнам, если реакция попытается править этой страной.” Альтамирано отдельно уточнил, что парламент страны и её вооружённые силы - “незаконная власть”, и что в случае снятия парламентом депутатской неприкосновенности с замешанных во флотском заговоре депутатов, страну ждёт “революционное насилие” (1,

стр. 423-424).

22 августа 1973 года. Чилийский парламент 81 голосом против 47 принимает резолюцию, обвиняющую правительство Альенде в систематических нарушениях законов и конституции страны, приведшем к краху правового и конституционного устройства республики. Резолюция содержит длинный список конкретных нарушений закона и призывает военных восстановить конституционный порядок в стране (1, стр. 413).

30 августа 1973 года. В ходе армейского рейда против тренировочной базы боевиков MIR обнаружено производство самодельных гранат и взрывчатка, в количестве сравнимом или превышающем её наличие на близлежащей базе ВВС (1, стр. 416).

11 сентября 1973 года. Правительство Альенде свергнуто, сам Альенде покончил жизнь самоубийством - несмотря на долгие уговоры сдаться и гарантии беспрепятственного выезда из страны.

Громогласный проповедник “революционного насилия” Карлос Альтамирано, ещё несколько дней назад клеймивший “правых трусов”, бегущих из страны вместо того, чтобы “как мужчины, отвечать за свои поступки”, после звонка от Альенде с сообщением о начавшемся перевороте моментально исчезает в неизвестном направлении — чтобы много позже всплыть уже в эмиграции (1, стр. 462, 575). Идеолог чилийской компартии Володя Тейтельбойм, два с половиной месяца назад клявшийся, что никуда ни при каких обстоятельствах не побежит и будет защищать дело революции до конца, тоже “всплывает” в качестве гостя иностранного посольства, не будучи замеченным в защите чего-либо, кроме собственной шкуры (1, стр. 465, 576).

Все призывы к “трудолюбивым” о вооружённом сопротивлении окончились пшиком. Сами военные готовились к как минимум трёхдневным боям и потерям около 5 тысяч человек; Альенде грозил, что начнётся гражданская война и она унесёт миллион жизней. Но когда дошло до дела, из нескольких десятков тысяч человек, на которых рассчитывали социалисты и коммунисты, реально воевать за светлое социалистическое будущее по всей стране захотели не более трёх-четырёх тысяч, из них в Сантьяго — полторы-две тысячи (1, стр. 514-516). Армия захватила тысячи единиц

стрелкового оружия, десятки базук, противотанковых пушек, крупнокалиберных пулемётов, тонны взрывчатки (1, стр. 572-573).

Интересно, что из многочисленных оценок количества погибших в ходе переворота и стычек последующих нескольких дней самой точной, хорошо коррелирующей с последующими подсчётами комиссии Реттига и более поздней международной комиссии, оказалась оценка, данная через несколько месяцев после переворота самим Пиночетом: около 1600 человек, включая примерно 200 погибших со стороны мятежников (1, стр. 515).

Есть свидетельства очевидцев — журналистов, присутствовавших в Чили в момент переворота — о том, что значительная часть населения страны встретила переворот, как освобождение. Учитывая, что блок Альенде получил на выборах 1970 года 36% голосов и никогда не имел в стране поддержки абсолютного большинства, удивительного в этом мало. С другой стороны, как минимум процентов 20 населения страны продолжали оставаться сторонниками Альенде до конца, и переворот, по существу, лишь обнаружил для всего мира уже шедшую в стране гражданскую войну, которую ещё предстояло выиграть (1, стр. 557-558).

Два бывших президента Чили - непосредственный предшественник Альенде Эдуардо Фрей Монталва и президент от левого блока в 1947-1952гг. Габриэль Гонзалес Видела, выступили с публичной благодарностью военным (1, стр. 532, 557).

Один из первых декретов хунты - разрыв дипотношений с Кубой и Северной Кореей. Сотрудникам кубинского посольства, из которого в день переворота по чилийским войскам был открыт пулемётный огонь, даётся 24 часа на сборы и вылет из страны (1, стр. 502-503, 561).

12 сентября 1973 года с единогласным заявлением в поддержку военных выступает Верховный Суд Чили (одним из первых заявлений военной хунты было обещание уважать независимость судов) (1, стр. 560). В тот же день обнародованы имена 15 военных, из которых хунта сформировала кабинет министров. По своим политическим взглядам все эти люди — или центристы, или несколько слева от центра, более-менее соответствуя месту, занимаемому на чилийской политической шкале Христианско-Демократической партией (1, стр. 562-563).

К 18 сентября 1973 года возобновилось пассажирское авиасообщение, был открыт транзит через пограничные пункты, и возобновили вещание все радиостанции, кроме принадлежавших коммунистам и социалистам (1, стр. 558).

21 сентября объявляются вне закона коммунистическая и социалистическая партии и четыре маленькие псевдо-партии, служившие социалистам в качестве “вооружённого крыла” (одни и те же люди зачастую состояли и в одной из этих партий, и в собственно соцпартии) (1, стр.567)

25 сентября запрещается деятельность Центральной конфедерации трудящихся - крупнейшего профобъединения Чили, находившегося под контролем коммунистов. Причём запрещается лишь само это объединение, входящие в него профсоюзы - продолжают свою деятельность. Среди принятых поправок к трудовому законодательству - запрет на забастовки, охватывающие целые отрасли промышленности. (1, стр. 567)

В первые же месяцы после переворота были опубликованы обнаруженные в бумагах Альенде документы о подготовке “Народным Единством” своего государственного переворота - так называемый “план Зета”. По этому плану предполагалось использовать празднование чилийского дня независимости - 18 сентября, когда все основные фигуры правительства и вооружённых сил традиционно собирались на праздничное заседание, для того, чтобы одним ударом уничтожить всю верхушку вооружённых сил. Затем планировалось уничтожить или посадить в тюрьмы около 600 оппозиционных политиков и журналистов и установить в стране “режим народной демократии” по восточноевропейскому образцу. Некоторые СМИ начали утверждать, что “план Зета” стал причиной военного переворота. Пиночет немедленно дал интервью, в котором уточнил: военная контрразведка до переворота ничего достоверного об этом плане не знала, хотя смутные, не поддающиеся проверке указания на него до неё дошли. Причиной переворота Пиночет назвал те вещи, которые были известны всем: обнаруженный и предотвращённый заговор на флоте и лавинообразное сползание страны к гражданской войне, которое любому чилийцу летом-осенью 1973 года было очевидно без всяких документальных подтверждений (1, стр. 574).

В последующие годы много было написано об ужасах, творившихся на стадионе в Сантьяго (в качестве достаточно рядового примера можно почитать хотя бы враки тов. Тарасова). На самом деле на стадионе одновременно находилось не более 3,5-4 тысяч человек, к которым имели постоянный доступ представители Красного Креста (1, стр. 574). Двое арестованных чилийскими военными, но отпущенных менее чем через три недели американских граждан, сначала на пресс-конференции в Майами, а потом на слушаниях в Сенате США, рассказали об ужасных массовых казнях, производимых пиночетовским режимом. Рассказы обошли весь мир; их по сей день можно найти в текстах, посвящённых ужасам пиночетовской хунты. Более позднее признание обоих, что на самом деле они ничего из рассказанного не видели, а лишь слышали стрельбу и заключили, что это стреляют расстрельные команды — почему-то осталось практически незамеченным (1, стр. 575).

Другая фантастическая история, обошедшая весь мир и до сих пор регулярно повторяемая (зачастую без ссылки на оригинал) — статья Джона Барнса в журнале Newsweek под характерным названием “Бойня в Сантьяго”. Оттуда мир узнал о сожжениях озверелой солдатней книг на улицах Сантьяго, о 2796 трупах, поступивших в морг Сантьяго в результате переворота, и о вывозе трупов из госпиталей вертолётными хунты прямо в море. Из всего репортажа действительности соответствовало только число 2796, с одним малозначительным уточнением: это было количество трупов, поступивших в морг Сантьяго за период с 1 января по 25 сентября 1973 года... (1, стр. 579-581)

Через 4 месяца после переворота мир облетела ещё одна история — на этот раз отчёт делегации “женской организации”, только что вернувшейся из Сантьяго с известием о 80 тысячах убитых и 150 тысячах оставшихся без работы в результате переворота. “Женская организация”, послужившая источником информации - “Women's International Democratic Federation”, созданная СССР в 1945 году для распространения подобной пропаганды (1, стр. 581).

Цитируя Киссинджера: “За считанные недели после свержения Альенде его некомпетентность, коррумпированность, и нару-

шения демократических принципов — широко известные при его жизни — исчезли из публичного обсуждения” (1, стр. 583).

С 25 сентября 1973 года Красный Крест получил доступ ко местам заключения в Чили и с тех пор на протяжении всего срока правления хунты представители Красного Креста посещали каждое из этих мест как минимум раз в две недели (1, стр. 699). Исполнительный секретарь Межамериканской комиссии по правам человека, один из первых представителей правозащитных организаций, приехавших в Чили после переворота, заявил, что сообщения в международной прессе о нарушениях прав человека в Чили серьёзно преувеличены - но это заявление потонуло в потоке сенсационных “репортажей ужасов” (1, стр. 698).

11 сентября 1974 года, в первую годовщину переворота, хунта объявила, что, за исключением узкого круга лиц, заключённые оппозиционеры по желанию могут сменить тюрьму на эмиграцию. К 1977 году политзаключённых в Чили остались единицы (1, стр.671).

В 1975 году Институт Гэллага провёл опрос общественного мнения в Чили. 64% респондентов заявили, что их положение после падения Альенде улучшилось, 13% - что ухудшилось. 73% считали, что положение продолжает улучшаться, 11% - что оно становится хуже. Опрос 1976 года дал 76% в поддержку Пиночета — и 20% оппозиции. В 1977 году результат был аналогичным, 65% поддержки, 12% требующих немедленного возвращения выборов — и 71% заявивших, что рыночные реформы хунты полезны для страны (1, стр. 687).

К концу правления хунты, в 1988 году, представители и врачи Красного Креста совершали инспекционные визиты в чилийские тюрьмы безо всяких предварительных уведомлений, “явочным порядком”, безо всяких ограничений места и времени, и имели возможность беспрепятственно беседовать с любым заключённым.

По итогам всего срока пребывания Пиночета у власти его переворот и последующее правление принесли наименьшее количество жертв среди латиноамериканских переворотов и революций второй половины 20 века. По результатам расследования комиссии, назначенной после ухода Пиночета от власти демокра-

тически избранным правительством Чили (комиссии, в которую входили и бывшие члены правительства Альенде) удалось установить, что общее число убитых и пропавших без вести во время 15-летнего правления военной хунты составляет менее 3 тысяч человек - причём в это число вошли все те, кто погиб в эти годы, воюя с хунтой с оружием в руках.

В течение первых нескольких недель после переворота был восстановлен обычный процесс въезда-выезда в страну. Оппозиционно настроенные чилийцы начали уезжать - а навстречу им возвращались те, кто был вынужден бежать от правительства Альенде. В первый год после переворота число вернувшихся чилийцев было примерно равно числу уехавших (около 20 тысяч) (1, стр. 575).

За исключением покончившего жизнь самоубийством Альенде, ни один член его правительства не погиб во время переворота. 14 сентября 1973 года всем схваченным членам правительства “народного единства” было предложено покинуть страну. Все отказались и потребовали суда. Суда пришлось ждать в заключении, но по крайней мере, в отличие от многих других правых (и всех левых!) переворотом к заключённым имел доступ Красный Крест и они свободно переписывались со своими родными. В конечном счёте всех раньше или позже выслали из страны под давлением “мировой общественности”, в немалой степени — США (1, стр. 576-578).

В первый же год своего правления военная хунта практически полностью уничтожила многомиллионный подпольный наркотрафик из Чили в США. Как и практически везде в Латинской Америке, доходы от контрабанды кокаина делили между собой мафиози и чилийские ультралевые. И тем, и другим пришлось искать новые источники финансирования (1, стр. 592).

Немедленно после переворота американские университеты прервали все контакты с университетами Чили, а многие благотворительные фонды США, финансирующие научную деятельность, прекратили выдачу грантов заявителям из Чили (1, стр. 571).

Меньше чем через год после переворота просоветская диктатура соседнего Перу сконцентрировала две трети своих вооружён-

ных сил на границе с Чили, готовясь отхватить обратно земли, отошедшие к Чили после войны 1879-1883гг. (1, стр. 673). Оснащаемые СССР перуанцы подтянули к границе 150 танков Т-54 и Т-55, которым чилийцы могли противопоставить лишь имевшиеся у них ещё военной постройки “Шерманы”. Аж 76 штук (1, стр. 673-675).

Что делали США в момент, пока Советский Союз и страны “восточного блока” слали в Перу 50000 автоматов, несколько батарей зенитных ракет, 30 боевых вертолётов, 200 105-мм миномётов (Югославия), 122-мм пушки (Чехословакия), и советников по пользованию всем этим великолепием (1, стр. 675-676)? Наверное, помогали своему “агенту” Пиночету? Ага, сейчас... США объявили эмбарго на поставки любой военной продукции в Чили (1, стр.673) и предоставили Перу 20-миллионный кредит на закупку американского оружия и ещё 900 тысяч на обучение кадров (1, стр. 676). В то самое время, когда перуанский диктатор занимался национализацией западных бизнесов — в первую очередь американских (1, стр. 673).

После чего обнадёженные таким поворотом событий перуанцы совместно с боливийской диктатурой начали через Организацию американских государств требовать от Чили кусок чилийской территории - “апатамушта бедная Боливия ДОЛЖНА иметь выход к океану!” И это при том, что чилийцы на свои деньги построили железную дорогу от боливийской границы до ближайшего океанского порта и специальным договором предоставили Боливии право свободного транзита грузов через чилийскую территорию под боливийской вооружённой охраной! Какую позицию заняли США в этом территориальном споре? Правильно, США ото всей дури давили на чилийское правительство, чтобы чилийцы отдали Боливии требуемую территорию (1, стр. 676-679).

Правда, Пиночет оказался упрямым “агентом ЦРУ”: он послал американцев в совместный с перуанцами и боливийцами пеший эротический тур и ничего не отдал. Тем временем в Перу свергли военного диктатора и “территориальный вопрос” смягчился, как ошпаренный...

В схожем стиле развивался и конфликт с Аргентиной по поводу участка границы на южной оконечности континента, длившийся-

ся с середины 19 века. Обе стороны несколько раз соглашались пригласить арбитров-посредников (сначала это была королева Великобритании, позже - римский папа), и каждый раз чилийская сторона принимала предложенные посредниками условия, а Аргентина их отвергала. Пока, наконец, отчаявшись запугать чилийцев, аргентинское правительство не приняло предложенные папой условия и стороны не подписали договор об урегулировании пограничного вопроса (1, стр. 682-686).

Кстати, результатом американского эмбарго на поставку любых военных материалов в Чили стал ещё один интересный момент: чилийские вооружённые силы, оснащённые практически на 100% старым американским оружием, остались без боеприпасов и запчастей. В считанные годы чилийская промышленность наладила производство этих боеприпасов и запчастей - и, обеспечив ими свои вооружённые силы, начала их экспортировать всем, готовым платить (1, стр. 34, сноска 60). К 1987 году Чили экспортировала оружия и боеприпасов на 400 миллионов долларов в год. Американский госдепартамент слал в Чили возмущённые ноты протеста, требуя прекратить это безобразие, а его гнусные агенты - члены чилийской хунты - посмеиваясь, спускали американские протесты в унитаза...(1, стр. 943)

Один аспект пиночетовского переворота, о котором в России написано особенно много — финансирование оппозиционных Альенде сил ЦРУ. 6,5 миллионов долларов за три года — много это или мало? И на что в действительности были потрачены эти деньги? На фоне того, что за те же три года правительство Альенде (в условиях якобы “финансовой блокады”) умудрилось набрать новых займов на 600 миллионов долларов; на фоне того, что за эти же три года правительство Альенде смогло удвоить численность чилийской армии, заплатив за это из нескольких десятков миллионов долларов безвозвратной американской военной помощи — 6,5 миллионов на “дестабилизацию” выглядят как-то не очень впечатляюще. Если же при этом ещё учесть, что: львиная доля этих денег пошла христианским демократам и оппозиционной прессе (которая, будучи лишена режимом Альенде доходов от рекламы, иначе просто не выжила бы); единственные деньги, которые хоть как-то можно квалифицировать, как “выделенные на дестабилизацию”, были потрачены на поддержку бастующих во-

дителей грузовиков — в умопомрачительном количестве 25000 долларов; на всю действительно правую оппозицию — в лице партии Patria Y Libertad, традиционно и без малейших оснований именуемой российскими источниками “фашистской”, было выделено за три года аж 7000 долларов (1, стр. 999); и, наконец, что никакой связи с заговорщиками, в конце концов свергнувшими Альенде у ЦРУ не было вообще и никаких денег от ЦРУ эти заговорщики не получили — серьёзность рассуждений про “кампанию дестабилизации” находится, мягко говоря, под большим вопросом. И почему-то никто не вспоминает про миллионы долларов (только в 1987-1988гг — как минимум 5 миллионов) потраченных США на “про-демократические” силы в Чили — то есть, на дестабилизацию режима Пиночета (1, стр. 1002). В одном только 1988 году чилийская оппозиция получила из-за рубежа около 15 миллионов долларов (1, стр. 1003) — но это, ясное дело, были деньги на “правильную” дестабилизацию...

Ещё одно изобретение советской пропаганды, запущенное в оборот во времена, когда под руководством Кремля и Гаваны “прогрессивные интеллектуалы” всего мира были заняты формированием образа “фашистского режима” Чили — антисемитизм чилийских военных в целом и Пиночета с его коллегами по хунте — в частности. Логику советских и кубинских товарищей можно понять: животный антисемитизм — одна из черт, неразрывно связанных с нацизмом в памяти человечества, и, создавая большую дезу о “чилийском фашизме”, они совершенно логично включили в неё, как один из элементов, дезу поменьше, про пиночетовский антисемитизм. Вот что, однако, писал в популярном еврейском издании Jewish World Review автор, вовсе не замеченный в симпатиях к Пиночету и его диктатуре: “...значительная часть (чилийских) евреев приветствовала приход Пиночета. Более того, когда в 170 Альенде был избран президентом, 8000 из 30000 проживавших в Чили евреев бежали из страны... когда через три года Пиночет захватил власть, многие из бежавших вернулись... В отличие от своих аргентинских соседей, авторитарный режим Чили с самого начала отверг антисемитизм. Пиночет заигрывал с еврейской общиной. Он регулярно посещал синагоги на Йом Кипур и назначил нескольких евреев на высокие правительственные посты. Один из них, Серджио Мельник, ортодоксальный еврей,

был ключевой фигурой в экономической команде Пиночета. Также в отличие от Аргентины, военные которой придерживались антисемитской идеологии, чилийская армия приветствовала евреев в своих рядах. Несколько еврейских офицеров сделали блестящие карьеры в чилийской армии, как, например, генерал Хозе Бердичевский, активный сторонник Пиночета. ... Разумеется. Пиночет поддерживал прекрасные отношения с Израилем, у которого Чили покупала оружие.” (11) Такой вот странный антисемит вырисовывается.

На этом, пожалуй, стоит закончить эту подборку. Желающие узнать о Чили того периода больше — могут почитать литературу из нижеследующего списка. Особенно рекомендую стоящую в списке на первом месте книгу Джеймса Велана “Из пепла. Жизнь, смерть и трансформация демократии в Чили, 1833-1988”.

P.S. Что же касается исходного повода для дискуссии и этого текста — статьи Ю.Л. Латыниной — то увы: её претензия к результатам работы “комиссий по расследованию” вполне справедлива. Попробуйте найти в отчёте комиссии Реттига сведённые в единую статистику данные о том, кто был чьей жертвой. Такой таблицы в нём попросту нет. Дотошным предлагается перечитывать всю тысячу с лишним страниц доклада и сортировать описанные в нём случаи самостоятельно. А весь остальной мир повторяет финальную сумму: 2279 погибших. И все они — и боевики маоистской MIR и “бригад” компартии Чили, убитые в перестрелках; и убитые ими в тех же перестрелках солдаты и полицейские; и левые, которых “исчезли” чилийские спецслужбы; и солдаты, полицейские, и служащие правительственных организаций, расстрелянные левыми в терактах на улицах чилийских городов; и, наконец, просто обычные обыватели, оказавшиеся в неправильном месте в неправильное время и попавшие под раздачу, кто от правительственных сил, а кто от террористов — ВСЕ эти люди благодаря креативности “объективных” членов комиссии Реттига стали “жертвами режима Пиночета”. Но... высказывать недовольство такой филькиной грамотой, выдаваемой за “независимый доклад”, как выясняется, в России сегодня “вредно”. Не больше не меньше — вредно для будущего демократических преобразований в стране. Как там у Оруэлла-то? Ах, да: незнание — сила...

Список использованной литературы

1. Out of the ashes. Life, death and transfiguration of democracy in Chile, 1833-1988, James R. Whelan, 1988.
http://ia600300.us.archive.org/3/items/OutOfAshes/Whelan--OutOfAshes_text.pdf
2. Copper: Technology and competitiveness. US Congress Office of Technology Assessment Report, 1988
http://govinfo.library.unt.edu/ota/Ota_3/DATA/1988/8808.PDF
(в нумерации PDF- файла — стр. 235)
3. Chile's Marxist Experiment, Robert Moss, 1973.
4. Chile, the crime of resistance, Suzanne Labin, 1982.
5. Poverty in Latin America. The Impact of Depression
http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/IW3P/IB/2002/08/27/000178830_98101903343289/Rendered/PDF/multi0page.pdf
6. Отчёт Конгрессу США о состоянии запасов стратегических материалов. Stockpile Report to the Congress, 1969
<http://ia600304.us.archive.org/16/items/stockpilereportt024097mbp/stockpilereportt024097mbp.pdf> (стр. 10 по нумерации документа, 18 — по нумерации PDF-файла)
7. Доклад на организованной ООН международной конференции по аграрной политике: Recent Economic and Agricultural Policy Developments Affecting the Roles of Chilean Agriculture
(ftp://ftp.fao.org/es/esa/roa/pdf/1_Policy/Policy_Chile.pdf)
8. News from the End of the Earth: a Portatrit of Chile, by John Hickman http://books.google.com/books?id=ujix844aG6IC&lpg=PP1&ots=E7PneUHN_&dq=News%20from%20the%20end%20of%20the%20Earth%3A%20a%20portrait%20of%20Chile&pg=PP1
9. Copper Price and the Chilean Economy, Jose De Gregorio, Central Bank of Chile, 2007

http://www.bcentral.cl/es/DownloadBinaryServlet?nodeId=%2FUCM%2FBCCH_PRESENTAC_163579_ES&propertyId=%2FUCM%2FBCCH_PRESENTAC_163579_ES%2Fprimary&fileName=jdg26032007.pdf

10. Чилийская реформа. Исследование National Bureau of Economic Research http://www.nber.org/chapters/c7653.pdf?new_window=1

11. Chile: an economy in transition (World Bank Study, 1980) http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDS/PIB/2001/01/12/000178830_9810190333528/Rendered/PDF/multi0page.pdf

12. Pinochet – good for Jews, tragedy for human rights <http://www.jewishworldreview.com/0798/pinochet1.asp>